

Приятного чтения!

Дмитрий Честный

БОРЬБА

Повесть

*Посвящается
Ulv Gegner Irminsson'у (R.I.P.),
Дмитрию Боровикову (R.I.P.),
а также всем людям действия!*

*Слова разъединяют.
Действие объединяет.*

ЧАСТЬ I. ГРЯЗЬ

*Небесной выси отвечало
В предошущеньи холодов
Из лужи детское начало
В слепом кубизме городов*

(А. Широпаев)

1. Сокрушая отчаянье

(от лица Александра)

Серые тучи сгущаются, птицы беспокоятся, отвратительно прыгая по тёмным веткам, теряющим последние листья. Только бы не было дождя. Или снега. Холодный ветер пробирается под одежду, только алкоголь немного согревает изнутри. Я лежу на грязной лавке и смотрю вверх. Тело теряет. Тело опутано слабостью, дешёвым портвейном, всасывающимся в пустующий желудок, окончением и пустотой. Моя бритая голова лежит на отсыревшей газете, она так горит, видимо указывая на начало воспаления, что кажется, газета скоро высохнет. Голова пульсирует, это движение крови, но мыслей там сейчас почти нет, лишь обрывки.

Колокол ударяет несколько раз. На этом кладбище, в могильной сырости, я впервые ощущаю спокойствие. Мания преследования стихает. Мне уже всё равно, пусть найдут меня здесь. Кто-то может вызвать мусоров, недовольный дремлющим на лавке человеком, в то время, как сюда приходят скорбеть по покинувшему этот мир. Но разве мало бомжей и алкашей спит на лавках? Хотя я не похож на них. По крайней мере пока...

Я приподнимаюсь на локте, допиваю остатки этого отвратительного портвейна и выкидываю бутылку в кучу опавших листьев. Опять падаю на лавку. Кончились деньги.

Опять надо будет искать какого-нибудь лоха. Я никогда раньше не занимался вымогательством, но вчера пришлось. Денег хватило лишь на хлеб и пиво, оставшиеся потратил сегодня с утра. После беспокойной ночи в вонючем подъезде захотелось нажраться. Что дальше? Я сейчас не думаю об этом, проваливаюсь в дрему, в пьяный полусон. Ухожу от переживаний, от отчаянья.

Спина затекает, и я переворачиваюсь на бок, положив под голову руку. При этом ощущаю дикую слабость. Если я и смогу встать, то сразу упаду. Начинает моросить холодный дождик. Я смотрю на лужи и грязь. Тут наступает пик опьянения, и я закрываю глаза. Теперь только ощущения холода и сырости, неясные звуки, непонятно, есть они на самом деле или нет. Обрывки разговоров, мелькает беспокойная мысль, что за мной пришли, но нет, это вроде не ко мне. В голове возникают кадры, как будто из телевизора, словно я вижу чёрные похороны. Кто-то прибавляет звук, всё громче, громче. Теперь я различаю слова, но не могу собрать их в цельные фразы. Чёрный ворон пролетает, открывая прикосновением крыла мои глаза. Что-то внутри дёргается, словно хочет выпрыгнуть сквозь спину, чтобы убежать от страха. Но потом осознаю, что вроде ничего особенно страшного не происходит.

Они идут мимо меня. Все в чёрном. Белые лица, но чёрный взгляд. Это такие же Русские люди, как и я, но сейчас мне кажется, что мы совершенно разные. Мне кажется, что мои едва отросшие рыжие волосы слишком ярки сейчас, что оранжевая подкладка бомбера оказалась снаружи, и это непростительно в момент траура. Что красный портвейн окрасил моё лицо. Я здесь совершенно лишний. Но я не могу убежать, даже встать, я просто дико смотрю на это мрачное шествие. Чернота вокруг, только я свечусь оранжевым. Они всё идут и идут, словно призраки. Пронесли гроб, крышку, портрет милой молодой девушки, венки и прочее. Я захотел увидеть тело, но сразу отбросил это желание. Наверное, они отгадали его, но сделали вид, что не заметили. Они пытаются не замечать меня, хоть я и выделяюсь так сильно. Оранжевый в чёрном.

Я слышу обрывки разговоров. Они складываются в единый рассказ. Изнасилована и убита... Изрезали... Изнасилована... Убита... В больнице... Убита... Напали вшестером... Изнасиловали... Порезали... Он в больнице... Менты отказались... Зарезали... Чёрные... Он потерял много крови... Какую водку будем пить... Я бы их расстрелял... Кавказцы это... Ночью возвращались... Подкупили ментов, это ясное дело... Да, он должен поправиться... Убили... Убили... Убили... Убили... Убили...

Меня сдавливает непомерной тяжестью черноты, грязи, смерти. Сдавливает всё вокруг, рвёт на части, наползает. Чёрным туманом, катком по беспомощному телу, инъекцией грязи в сердце. Пустые глазницы истлевшего, тошнотворно сладкого трупа убитой девушки вгоняют в меня ужас. Её лицо в облаках столь же изуродованное, как весь мир вокруг, оно мрачно укоряет меня за моё состояние, за то, что я лежу здесь вот так. Но что я должен делать?!! Что сделал бы любой другой в моём положении?!!!!

Она говорит, убери грязь. УБЕРИ ГРЯЗЬ...

Я вжимаюсь в скамейку и хочу умереть прямо сейчас. Хочу исчезнуть. Смотрю в небо. Смотрю на протянутую с неба руку. Это её рука, красивая, белая, нежная. Я беру её, держу закрыв глаза. Это так хорошо! Медленно отпускаю и в этот момент опять ужасаюсь. Неужели это было?!! Я осторожно открываю глаза. Рядом никого нет. Все стоят на отдалённом от меня расстоянии и закапывают девушку в землю. Никто не смотрит на меня.

Они уходят, оставляя во мне массу отвратительных чувств. Какого чёрта они вогнали меня в депрессию!?? Я психую в глубине души, хотя внешне это вряд ли заметно. Развезло неслабо. Называю всех уродами, называю себя уродом и неудачником. Постепенно погружаюсь в мрачные раздумья. Кто виноват? Ответ на этот вопрос очевиден. Враг не даёт покоя уже давно, я до сих пор не знаю, кто победит. Опять я поддаюсь отчаянью. Какое дерьмо! Как всё плохо! Стоит ли жить теперь? Я здесь лежу один, скоро превращусь в бомжа, сопьюсь или умру. Те немногочисленные люди не смогут сломать систему, а на всеобщее пробуждение Русского народа я не надеюсь. Всеобщая деградация, безволие,

отсутствие самостоятельного мышления... Нас всё равно уничтожат. Горечь...

Я думаю о своём вкладе в борьбу. Поддержав новую волну активности скинхэдов, я в итоге заработал серьёзные неприятности на свою задницу. После убийства негра на одной из главных улиц города меня загребли мусора. Всё было действительно глупо с моей стороны. Я уже знал, что валить негров надо подальше от центра города, где-нибудь у общаг, это всегда удавалось почти без проблем, если и появлялись мусора, мы успевали унести ноги. А в центре: то едва убежал, в другой раз загребли, но ограничились изъятием денег, благо хачик всего лишь получил по ебалу. В последний раз нагло налетели в пьяном состоянии на двух нигеров, повтыкали в них ножи и отвёртки, и едва начали разбегаться, мне на встречу баба в штатском и держит пистолет. Мусором оказалась. Я сразу то растерялся, ломиться надо было, благо народ вокруг, стрелять вряд ли стала бы. Ну поломился мимо неё, а на меня здоровый мусор прыгнул, пока я его бил и пытался вырваться, ещё двое меня скрутили. Остальные соратники скрылись, что было вполне разумно.

При этих воспоминаниях тело напряглось. Вроде немного начинаю трезветь, голова болит. Голова болит теперь очень часто, пожалуй всегда, кроме моментов опьянения. Это результат избиения меня в мусорской. Они пытались навесить на меня и многие другие преступления, совершённые на почве межрасовой ненависти, выбивали показания. На голову клали книгу и били по ней молотком. Синяков не остаётся, но удар ужасен, вполне возможно сотрясение мозга. Также применяли всем известного «слоника» и присоединяли к телу провода с током. Мрази! В момент охватившего безумия я выпрыгнул в окно, выбив собой стёкла, удачно упал со второго этажа и поломился в ближайшие дворы. Возможно меня догнали бы, но находясь вне их видимости я успел запрыгнуть в автобус и уехать в другой район. Сейчас идёт уже третий день вынужденного бомжевания. Домой идти естественно нельзя, наверное там ведётся слежка. Бля, пиздец! Смерть всем мусорам!

Я теперь сижу, положив голову почти на свои колени, изредка поднимая взгляд для оценивания обстановки. Всё то же дерьмо вокруг. Хочется напиться до беспамятства, но денег уже нет. А искать их совершенно в лом. Какое дерьмо!

Так сижу долго, потом, когда задница затекает от досок, опять ложусь, дремлю, потом опять сижу. Состояние совершенно разбитое. Как разлетевшийся шар стекла, разорванный псами кусок мяса. Но подняв взгляд сейчас я понимаю, что всё не так уж плохо, относительно хотя бы вон того парня. Он обескровлен, он безумен, обессилен, он сама депрессия, он изуродован, покрыт кровотокающими шрамами и гематомами. Он зол и лют, он страдает больше вас всех, едва двигая ногами он идёт, он должен был умереть, но выжил. Слёзы мешают ему видеть дорогу, но он идёт держась за нить боли, всё рушится вокруг него, грязь разлетается в стороны, птицы падают с деревьев, а деревья истлевают. Он видит то, что недоступно вам, он пьёт кровь, текущую из его же горла, швы рвут его тело, но он идёт. И подойдя к могиле закопанной утром девушки, он хватается онемевшими руками сырую землю и кричит. От его крика вибрирует всё вокруг.

– Ааааааааааа!!!!!!!... Я убью всех их, я клянусь тебе! Слышишь ты меня?! Я принесу их головы на твою могилу, я положу их на эту самую землю! Я убью их детей, их жён, всех этих мразей, всё их ебучее племя! Я сожгу их дома, я взорву их рынки и ларьки, я буду сдирать с них кожу, эту дерьмовую чёрную кожу! Я принесу тебе их вырванные ёбанные сердца! Слышишь, я не успокоюсь, пока хоть один чурка будет ходить по земле! Я уничтожу всё, что связано с ними, я сравняю с землёй даже их кладбища, я изуродую их трупы, я пущу реки их крови! Никто не уйдёт от меня! Я оплачу за твою смерть, слышишь!!! Я убью их всех!!!!

Конвульсивно рыдая он валяется на её могиле, кровь течёт на почву. Он кричит проклятья, он совершенно безумен. Проходит много времени, когда он переходит на хриплые стоны, он впадает в полное отчаянье, рвёт свои швы, смотрит на небо. Полное отчаянье...

Я встаю со своей лавки и иду к нему.

– Я пришёл помочь тебе, – говорю.

2. Раны

(от лица Кирилла)

Закидываю несколько таблеток активированного угля, запиваю их пивом, а то я уже заебался бегать в туалет! Этот отморозок не отговорил меня бухать, он во всём виноват! Я антибиотики принимаю, они убили всю кишечную флору, а бухло это всё дико усугубляет, у меня уже задница болит бя! Да у меня вообще всё болит, я нехуёво изрезан ножами! Но то всё можно стерпеть, а постоянный понос второй день – это уж слишком! Не надо было бухать, настроение ещё более дерьмовым стало!

– Ты чё меня напоил, сука! – я ёбаю кулаком по столу.

– Хорош психовать на хуй!

Он уже угрожал мне ударом по ебалу, думаю, он скоро сделает это. Он же отморозок, а мне здоровье сейчас не позволяет лишних пиздюлей получать.

– Санёк, купи пожрать чё-нибудь, – даю ему деньги.

– О, давно пора, – он идёт к стойке.

Походу он голоден, бомжует ведь который день. Сейчас мы сидим в паршивеньком кафе и херачим пиво кружку за кружкой. Я уже дважды ходил в толчок, и на второй раз сжёт там всю бумагу прямо в ведре, чтобы больше не ходить туда. Пока вроде не хочу. А ведро пластмассовое было, тоже загорелось, пришлось тушить водой из бачка унитаза. Дыма там дохуя, но мне вообще похуй! Если кто чё скажет, я свой тесак из кармана достану, зарублю суку! А если Санёк про всё это узнает, ёбнет наверное, он сейчас всего дико боится. Но его я пожалуй пока резать не буду.

– Вообще дерьмовый пирожок! – говорю я.

– Не нравится – отдай мне! Тебе сейчас вообще жрать нельзя, всё высрешь ведь сразу! – он хихикает как последний убан.

– Э бя, я же вообще почти ничего не жру в последние дни!

– А срёшь-то таблетками что ли?

– Ну ты и дурак бя, иди на хуй!

– Да ладно, я же пошутил!

Походу он вообще оптимист, наверное, заодно и идиот. Я пью дальше, уже подумываю, не выпить ли водки, всё быстрее пройдёт, а то ведь походу антибиотики и печень дико ослабляют. Вспоминаю вчерашнее, колбасило вообще пиздец как, на кладбище ещё припёрся, а там её родители... Вообще не спал, сейчас бы отрубился, если бы так не колбасило! Этот отморозок постоянно подбадривает меня, но хуй знает, зачем ему это нужно. Я его жрачкой и пивом угостил, так какого ж хера ему ещё надо?

– А убивал ли ты Русских? – спрашиваю.

– Было дело, – он говорит тихо и оглядывается, хотя соседние столики свободны. – Много и среди Русских, сколь это ни прискорбно, достойных убийства. Это всё жидовские холопы: антифа, коммунисты, пидарасы, прочие дегенераты.

– Тебе дай волю...

Он что-то говорит о пробуждении, да он вообще ёбнутый и всё такое... Но то, что он готов помочь мне в убийстве чурок, это хорошо. Чурки... Сжимаю рукоять ножа, но на этот раз не ору ничего, просто злоба бурлит внутри. Убить!

– Первая задача – уничтожить всех жидов, – говорит он, – концлагеря...

– Слышь, а чего тебе жиды-то? Они ж никого не убивают! Ну воруют, всё такое... Хачей уничтожить надо, хачей!

– Да ты вообще не врубаешься! Без жидов не станет и хачей и прочих уродов! Жиды засели в правительстве, они создают условия для проживания у нас чурок, гуков и нигеров, которых всё больше. Их всех к нам зазывают буквально. Это всё хитрость. Помнишь, чё во

Франции было? Это когда арабы и нигеры бунтовали, мусульмане ебучие. А почему бунтовали? Да их спровоцировали, потому что Франция, Германия и Бельгия выступали против войны в Ираке, против Америки считай, а Америка – самая жидовская страна. В этих-то трёх странах и произошли беспорядки, это Америка как бы наказывала их, и теперь уже французы вероятно поддержат очередную агрессию против мусульман. Для этого-то весь этот сброд в Европу и завозится, а также для разложения Белого общества своей упадочной культурой и размывания Арийской Крови. Весь процесс регулируется мировой жидовской закулисой. Когда Белая раса ослабнет до нужного уровня, жида выступят уже открыто, а пока вон чем занимаются. Врубился ты? Хачи – это лишь инструмент.

– Да мне похуй! Я из-за жидов рисковать не собираюсь! Вообще не грузи меня своей политикой! Я тебе сказал, что я намерян делать, и всё на этом!

– Хе-хе, сказал. Да ты орал об этом на всю округу! Ладно, только не психуй опять. Я тебя с одним человеком познакомлю, он тебе нормально всё объяснит.

Чего он меня постоянно подъёбывает? Пожалуй надо будет его завалить. Хотя нет, парень нормальный, сразу мне понравился, хоть и был похож на бомжару. Ничего, всё ещё впереди...

Я ковыляю в туалет, на этот раз только пописать и поправить бинты. Эти бинты постоянно сползают, походу надо купить пластырь и приклеивать их к себе. В кабинке я оттягиваю некоторые из них, достаю из кармана мазь и смазываю швы. Я использую две мази по очереди, как сказал доктор, одна чёрная, другая прозрачная. От чёрной сами швы стали чёрными и выглядят страшно. Зато кровь теперь почти не появляется. Лишь густые капли изредка просачиваются. Я всё ещё должен быть в больнице, но лежать я там не могу, это сводит с ума. Смотреть в потолок и видеть её лицо, или опять и опять вспоминать всё произошедшее... Нет! Лучше напиться с этим отморозком, лучше самому обрабатывать свои раны, всё это хоть немного успокаивает. По крайней мере обработка ран – это несколько завораживает. Это так уродливо! Совершенно дерьмово!

– Эй, Кирилл, ты чё как долго? – Санёк стучит в дверь.

– Слышь, отъебись, может я сру тут, я чё тебе, комментировать должен?! – ору я ему в ответ.

Когда я выхожу, все смотрят на меня, но сразу отворачиваются. Я останавливаюсь и пытаюсь поймать чей-нибудь взгляд, но всё, притихли. Вот они, обыватели! Неудачники, пришедшие сюда обсудить свою дерьмовую жизнь за стаканом водки! Я смотрю на Санька и думаю, что вот он-то не обыватель. А я? Был-то точно. А сейчас?... Санёк говорит, что скорей да. Сука!

Мы берём ещё пива. Я роняю свою банку и проливаю немного. Хорошо, что не бутылку взял и не кружку.

– Всё, пошли отсюда! – говорю.

Очень хреново идти с зашитой ногой, левая конечно, как и левая рука. Правая половина пострадала меньше, это хорошо. Обходим лужи, уже темно. Выходим на площадь, и Санёк начинает нервничать, сообщает, что скоро поедет. Он сейчас ночует у своего знакомого, наверняка такого же отморозка. Я вижу пустую клеёнчатую палатку, чурки, торгующие своей дерьмовой жратвой уже свалили. Ударяю, и окошечко вылетает. Отодвигаю клеёнку и захожу внутрь. Вот где надо было срать! Поджигаю какую-то херовину и выхожу. Огонёк пока едва заметен. Затушат сразу наверное. Идём дальше, и Санёк садится в автобус. Я потусовал в магазине, вошёл в глубокую депрессию. Нет, нельзя здесь оставаться! Надо найти компанию. Бля, кто теперь захочет со мной общаться?! Они предпочтут сохранить настроение, все мои грёбаные обывательские друзья!

Иду обратно и вижу замечательное зрелище. Палатка полыхает, народ смотрит, один дурачок пытается затушить огонь непонятно каким образом. Двое рядом стоящих смеются, что хачиков подожгли, говорят, мол ебанёт сейчас, там баллон с газом должен быть. Я говорю мелкому парнишке, что когда поджигаешь что-то, надо не ломиться, а стоять рядом и смотреть. Он понимающе кивает головой. Приезжают пожарники и тушат. Баллона вроде не

было. Не интересно...

Мне так не хватает моей девушки! Я хочу хоть как-то обмануть себя, звоню знакомой шлюхе, чтобы просто выпить вместе вина. На другие действия я сегодня уже не способен. Только вина! Похоже, у неё сидит парень, но у меня есть нож. У меня нож, бля!

3. Трезвея

(от лица Александра)

Сидим на лавочке, я и Саня. Да, его тоже так зовут, но почему-то меня называют Санёк, а его Саня. Он вообще упился в говно, просто никакой! Рыжие брызги вылетают из его рта, забрызгивая его куртку и попадая на меня, но он не блюёт дальше. Он даже не заметил того, что эта рвотная пена вылетела из него, наверное думал, что это была просто отрыжка. Да и мне тоже похуй, пусть блюёт! Я тоже ужрался в говно, это просто пиздец какая пьяная осень! Ну чё, я не имею права бухать что-ли? Всё ж таки бомжую... А сидим недалеко от того района, где я прожил всю свою жизнь. Я до сих пор боюсь заявляться непосредственно в свой район, а то вдруг кто увидит и мусорам настучит. А тут вроде меня не знают, но рядом. Даже на ностальгию по детству немного пробило, ибо в детстве я часто гулял тут с бабушкой или с отцом. А потом только по своей улице шлялся или в другие районы ездил. А тут что-то есть такое сказочное. Или это от глубокого алкогольного опьянения так кажется? Может и кажется. Я даже не уверен сейчас, есть ли вообще эта улица, где мы сидим на лавочке, или я дико сплю, и мне это снится. А Саня, наверное, вообще не врубается, где он находится, его накрыло реально.

Мы освещены солнцем. За последние пару недель такого не было, всё было мрачно и пасмурно, холодно, промозгло. Сейчас пригревает. Ветра нет. Хорошо. Саня дал мне свитер, а то я бы вообще сдох. Тепло. Всё плывёт. Пьянь! Синее небо, тёмные тучи наплывают. Очень тёмные. Возможно, они несут даже снег, такая громада движется по небу, но до солнца им ещё далеко. Контраст ярко освещённых панельных девятиэтажек и свинцовых туч бьёт по моему разжиженному мозгу. Я психически смеюсь. Саня мотает головой, чтобы протрезветь.

Самый сильный контраст был этим летом. В деревне. Я вышел пообщаться с Вованом, местным парнем, и прихуел от апокалиптического состояния окружающей среды. Солнце, очень яркое солнце, оно висело невысоко над горизонтом, над ним висели тучи, затянувшие всё остальное небо. Очень чёрные тучи, совершенно непроницаемые. Но вся улица, вся земля была ярко освещена. Я тогда сказал Вовану, слышь мол, через минуту может настать абсолютная тьма, едва тучи закроют солнце. Он сказал да. Внизу было светло, наверху темно. Надвигалась буря...

Эта грёбаная осень уже задолбала! А впереди ещё зима! Надо что-то придумать, не буду же я постоянно ночевать по квартирам своих товарищей. Вчера выпал первый снег. Сегодня пока тепло, но мне кажется, всё ещё впереди.

Странно, но я пьянею всё меньше. Я пью теперь ежедневно. Да, когда мы встали, я чуть не упал, но Саня намного пьяней, он вообще чуть стоит. Смеюсь сквозь болезненные слёзы. Мы идём по забытым местам, шатаюсь, посав во дворе, не стесняюсь бездельничающих обывателей. Вообще непонятно, как мы тут оказались. Эти места остались где-то в детстве, и вот я снова здесь. Совершенно другой я. Испорченный я...

Сворачиваем за дом. Э... Да, необычная здесь планировка. В боковине дома четыре входа, четыре лестницы ведут куда-то высоко вверх, теряясь в полутьме. Как это Саня залез туда? Я при всём желании не смог бы направить своё тело, чтобы запрыгнуть на первую ступень. А он не так пьян, как казалось.

Там вверху, на лестнице, звук текущей жидкости.

– Эй, пидар, хватит ссать! – ору я.

Саня вылез, мы вглядываемся вверх. Там чьи-то силуэты.

– Пидар, хорош ссать! – ору я.

Трезвый я наверное не стал бы так орать. Немного отходим. Из проходов выпрыгивают четверо, рэперы, немного младше нас. Бля, а я едва на ногах стою!

Дорога за домами, за ней овраг, вид на другой район. Как давно я здесь не был! Мы с Саней идём совершенно никакие по этой дороге. Редкие обыватели вдалеке... Три рэпера обгоняют нас, четвёртый сзади. Я останавливаюсь. Он тоже.

– Хуй ли встал, иди давай, бля! – говорю я.

Он что-то тоже говорит.

– Обгоняй, сука! – ору я и перехватываю поудобней пивную бутылку.

Он вроде обгоняет. Пинает меня. Я срываю с него шапку и разбиваю бутылку об его голову. Струйки крови текут по его лицу. Я отпрыгиваю, сжимая в руке розочку, ору, психую. Они агрессивны, но подойти боятся. Парень с разбитой башкой кричит. Я понимаю, что психологически уже победил. Бегу на них с розочкой, они убегают матерясь. Мы с Саней идём в другую сторону, заходим за дом, и едва скрывшись за углом, бежим. Это обычный приём: ты идёшь спокойно как победитель, но когда тебя уже не видят, на всякий случай ломишься подальше от места событий.

Разбежавшись я упал, ударившись подбородком об асфальт, ободрав ладонь. Саня помог встать. Челюсть вообще никакая! По трезвости я бы наверное получил болевой шок! Бля, вот она, расплата! Я едва могу двигать челюстью, на подбородке образовалась гематома. Теперь я понимаю, почему у бомжей такие лица...

– Саня, пошли у тебя посидим, пока родителей нет?

Мы пришли к нему, я лёг на диван и отрубился. Что делал в это время Саня, я не знаю...

...Ёб ты, уже почти утро! Похоже, Санины родители меня не видели, иначе я был бы где угодно, но не здесь. Охуевше втыкаю в мутное окно, в серую склизость за ним. Хватаясь за стену дошёл до кухни максимально тихо, там выжрал полкувшина кипячёной воды, явно застоявшейся. Они не пьют кипячёную воду! Да, боль в челюсти – это вообще кошмар! Подхожу к зеркалу и в утренней холодной полутьме разглядываю нечто багровое, скрывающееся за щетиной на моём подбородке. Но сам подбородок – это ещё ничего, вот в местах соединения челюсти с черепом, рядом с ушами, там вообще пиздец! Болит так, что каждый звук сотрясает всю башку! Бля, а что с моим носом?! Крадусь в ванную, где уже при свете созерцаю уёбищное зрелище своего лица. Нос дико распух и покраснел, он болит, словно в его кончике поселился колючий едкий паразит. От постоянного переохлаждения! Или от грязи! Вот это дерьмо!

Я тихо вышел из квартиры сквозь тёплое поёрдывание спящих обывателей. Прохлада сырого подъезда дурманит, я ползу по перилам. Всё вокруг хорошо, а мне так хуёво! Злоба вскипает. Да, я бы убил этого нигера ещё раз, и ещё, и убивал бы их до последнего. Уж я то общался с нигерами, я то знаю, что это за мрази. И пусть подвиг убийства нигера сопровождается такими страданиями! Я готов страдать! Как мне нравится убивать вас!

Пора бы сегодня встретиться с Кириллом. Не покидать же парня в беде! Да и надежды он подаёт. А пока надо пожрать чё-нибудь...

...Заходим в подъезд Коляна в нехуёво пьяном состоянии. Даже ломает как-то идти к нему, он стопудово просечёт, в каком мы состоянии. Он сам похоже не пьёт. Даже думаю, не посидеть ли в подъезде, чтобы протрезветь, но понял, что это бестолково.

Он открыл дверь в свою цитадель Арийского искусства, и мы не понимая созерцали насыщенный аскетизм квартиры Коляна. Мы дико приложились к кувшину с водой, потом я пояснил Коляну, зачем мы пришли. Целью посещения я, разумеется, наметил идеологическое просвещение Кирилла. В принципе и самому было бы интересно послушать и поспрашивать кое-что, но сейчас я прилёг на диван в другой комнате.

Через какое-то время я очнулся от тяжёлой дрёмы и услышал, как Колян рассказывает Кириллу что-то про беспредел коммунистов. Вслушиваться не хотелось. Хотелось только

пить, но поднять тело с дивана было слишком тяжело, и я остался лежать, беспокоимый лишь неясной тошнотой, и вскоре снова отрубился...

Похоже они дискутировали часа два с лишним. Когда я ввалился в ту комнату, беседа приобрела кульминационный характер.

– Конечно, ты спросишь, что же делать, если всё так плохо, возможно даже подумаешь, что исправить ничего не удастся. Но в любом случае мы должны бороться, как воистину Божественная Раса, а не сдаться подобно рабам. Да, идеал – это всенародное противостояние, но пока его нет – должны бороться хотя бы единицы.

Кирилл вопросительно глянул на него воспалённо-красными глазами, похоже всё-таки подумав о безнадёжности борьбы.

– Вот что я тебе скажу: есть конкретные дела, доступные каждому. Во-первых, каждый Русский должен жить так, как если бы от него зависело спасение Руси. Надо поменьше думать о личной жизни, всё равно её не станет вместе с тобой, а вот иные дела могут и пережить тебя. Подумай, что ты можешь хорошо делать. Ты крепок телом – иди на улицу и убивай, ты хорошо рисуешь, играешь музыку или пишешь стихи – создай произведение Арийского искусства, ведь это лучшее средство пропаганды, ты хорошо говоришь – стань оратором, ты умён – пробивайся в правительство. Ну и так далее, главное делать то, к чему ты предрасположен.

Я хмыкнул, подумав, что многие способны лишь побивать, что в общем-то хорошо, но вот с прочим названным пока плохо.

– Во-вторых, каждый Русский должен привлечь и воспитать как минимум ещё одного единомышленника. А лучше не одного, а сотни, тысячи... Поэтому каждый Русский также должен поддерживать Правые СМИ – только так они станут массовыми. И хорошо бы, кстати, тем, кто способен делать журналы и газеты, не ограничиваться своими изданиями, но и проникать в другие.

Надо будет потом спросить у Коляна, проникал ли он сам в другие издания. А их собственные журналы очень хороши.

– Ну про то, что надо рожать и воспитать Русских детей, вам вероятно пока можно не рассказывать, но скажу одно: хватит бля бухать-то! Берегите здоровье! У больных родителей больные дети!

Я пытался было оправдаться, но он только отмахнулся. Пожалуй, он прав.

– Вот следующее: покупайте у Русских и произведённое Русскими, поддерживайте свой народ. Также надо составить список фирм, принадлежащих жидам или другим антирусским элементам, и бойкотировать их.

Я вмешиваюсь, вспоминая, как было хорошо, когда в Москве под тяжестью снега рухнул рынок, похоронив под собой около сотни чурок. Но Колян продолжает.

– Каждый Русский должен защищать Русский язык, бороться с американизмами и современным молодёжным совершенно уёбищным жаргоном. Так, что ещё... Да, надо составить список антирусских элементов, участвовавших в развале и разграблении России, и уничтожать их. Это уже не так просто, как то, о чём я говорил раньше, но заверяю, этим уже занялись. Надо только запастись оружием. Да вообще ещё много чего нужно делать, понимание ещё придёт. Главное – помнить. Пробуждение приходит в борьбе.

Мы с Кириллом воздержались от комментариев, да и вряд ли сказали бы что-нибудь уместное. Угостившись пирожками и поблагодарив Коляна за гостеприимство, снова вывалились на промозглую улицу. Я подумывал, не предложить ли выпить пивка, благо сейчас деньги только у Кирилла, но его загруженный вид не располагал к этому.

– Ну что, включаешься в борьбу? – спрашиваю.

– Да, есть кое-какая идея. Займусь искусством...

4. Прекрасное искусство

(от лица Кирилла)

Когда ты идёшь за кем-то, чтобы его завалить, не так просто сохранить спокойствие. В самый первый раз я был спокоен, ну не совсем конечно, но почему-то с каждым разом колбасит всё сильнее. Я думал, должно быть наоборот. Хотя всего-то четвёртый. Если получится. Хуже всего сейчас – ощущать свою слабость, особенно относительно такого здорового хряка. Но раз уж решил – иду до конца.

Я увидел его на остановке. Он вышел из автобуса и зашёл в ларёк купить сигареты. Я специально наблюдал издали, чтобы не засветить своё лицо. Сейчас он идёт по улице, вероятно домой. Ему лет сорок, хачик среднего достатка, пытающийся выглядеть крутым. Я следую прямо за ним, дом за домом. Такое уже было позавчера, но я не смог осуществить задуманное из-за маленькой девочки, стоящей в подъезде. Мать её!

Он свернул к подъезду, нажал кнопки кодового замка. Я сразу за ним. Он как-то стрёмно посмотрел на меня, но я зашёл следом. Рука в кармане сжимает нож. Неожиданно я становлюсь совершенно спокойным, чувствую себя волком. Пиздец как хорошо!

Он поднимается по лестнице, и я настигаю его на площадке между первым и вторым этажами, втыкаю в него нож раз за разом. Сквозь кожаную куртку, через рёбра протыкаю его ёбаную чёрную плоть. Он поворачивается, тихо крикнув, пытается бежать мразь, но ещё удар и ещё, и вот этот урод упал, истекая кровью. Он конвульсивно дёргается, из под него растекается лужа крови, и вот уже струйка течёт в пролёт между этажами, я слышу звук её капель ниже, там, у двери. О да! Это так красиво! Прекрасное искусство убийства хачиков!

Бля! Бля!!! Я слышу голоса у входной двери! Сейчас они войдут, а там кровь течёт! Надо что-то делать! Я отгоняю кровь своим ботинком в другую сторону, пачкаю свои джинсы, потом понимаю, что всё это хуёво, и бегу вниз, оставляя кровавые следы, чуть не падая, мимо натёкшей внизу тоже немаленькой лужи крови. У входа стоит какое-то семейство, похоже с кем-то прощаясь, я пробегаю мимо, стараясь отвернуть от них лицо. Вроде они смотрели на меня как-то не так. Я добегаю до метро и там уезжаю, пусть даже в другую сторону, главное – подальше от этого места. Сердце бешено бьётся, вены на висках готовы лопнуть, швы режут плоть.

Бля, впервые так хреново вышло. Я в общем-то готов вроде к неожиданным ситуациям, но всё-таки надеюсь на удачу. Да и хер с ним, главное – акт совершён. Какие страсти разыграются! Я представляю плачущих хачиков и ухмыляюсь, в то же время пытаюсь встать так, чтобы не было видно мои окровавленные ботинки. Да, это было красиво, особенно текущая вниз струйка псевдокрови этого паразита. Хоть картину рисуй. Пожалуй буду брать с собой фотоаппарат, хоть это и рискованно. Вообще, истинная коллекционная ценность таких действий будет видна любому дураку, когда будет завалено чурок тридцать и больше, вплоть до бесконечности... Тут появляется какая-то новая эстетика что ли, ну хрен знает, я не философ, чтобы рассуждать на такие темы. Это люди типа Коляна скажут об очищении через прикосновение к смерти, я же думаю не об этом. Просто совмещаю приятное с полезным. Посвящается моей любимой (покойся с миром)!

Последние дни проходят очень мрачно и депрессивно. Я совсем забросил учёбу, хоть до сессии ещё далеко, но ведь последний год учусь, тут было бы стрёмно провалить всё. Ни учиться, ни делать что-либо, чем занимался раньше, вообще не хочется. Швы ещё не сняты, боль стала слабей, но постоянно напоминает о себе. Мне всегда теперь как-то хуёво, словно боль в каждой клетке. Не говоря уже о той боли, что внутри. Теперь есть только ненависть. Она жжёт меня всё сильнее. Наверное, из-за неё я буду страдать ещё дольше, но это не имеет значения для меня. Я чувствую себя выброшенным из того мира, где я жил раньше. А кто виноват? Кто виноват, тот познает это сполна! Ненависть. **НЕНАВИСТЬ! НЕНАВИСТЬ!!!**

Как-то странно и стрёмно, что лишь немногие знают то, что теперь знаю я. И я бы не знал. Ну да, система работает, люди не думают. Надеюсь, охуенная красота моих актов самоотверженности заставит кого-то задуматься. А я даже не смотрел телевизор, и не знаю, говорят ли там про это. Вообще стало понятно, что это телевидение – это дерьмо.

Показывают хуйню какую-то чтобы люди тупели.

Я приехал домой и просто сидел. Сегодня даже не пил. Уже заебало как-то пить. Это Санёк меня спаивает. Сам он наверняка сопьётся, и его либо мусора схватят, либо завалит кто-нибудь на улице. Совершенно хуёвая судьба. Да, мы же договаривались с ним завтра встретиться. Опять в той же забегаловке посидеть...

...Мы встретились вечером, когда солнце так угнетающе освещало нас жёлтым светом, что казалось – лучше бы его вообще не было. Яркие лампы в кафе угнетают не меньше, они создают ощущение, как будто лежишь на операционном столе. Здесь вонь, наверное недавно кто-то проблевался, но блевотину уже убрали. Я предложил Саньку найти другое место, но он отказался, наверняка вонь, идущая от него самого, не позволяет ему почувствовать вонь этого грёбаного кафе. От него тащит непонятной хуйнёй, что-то типа тухлой капусты, смешанной с мочой. Я уже не говорю ему про это, уже надоело. Даже если он где-то помоеется, становится немногим лучше – одежда пропахла напрочь. Ну и бомжара!

Он пьёт пиво, как и многие из алкашей, сидящих вокруг. Верней, они выпивают сначала стопку-другую водки, а потом хуячат пиво, а Санёк сразу начал с пива. Предлагает и мне.

– Не, я не буду, – говорю. – Меня и так колбасит, как будто я уже нажрался. Со здоровьем проблемы, сам видишь, а это бухло только усугубляет. Я уж когда поправлюсь.

Я беру томатный сок и когда пью его, понимаю, что он похож на кровь хачика, только посветлее. Санёк берёт вторую кружку пива.

– Ещё я вот чего заметил, – говорю. – Если пьёшь, когда тебе хорошо, то становится ещё лучше, а если плохо – то ещё хуже. А сейчас вообще хуёво! Ты понимаешь? Врубаешься в это?

– Да хрен его знает. Мне вроде всегда лучше становится, – говорит он.

Допивая третью кружку он начинает засыпать. Быстро же его развезло! В общем-то, не удивительно. Плохо другое – по кой хер я встретился с этим алкашом, если мы сегодня так ничего дельного и не обсудили, и даже просто нормально не поговорили? Только время прсрал!

– Эй, пошли отсюда! У меня дела ещё есть. Вставай, ёпты!

Он решил остаться, а я ушёл и поехал домой. Ехать было всего-то пять остановок, но люди как раз ехали с работы, пришлось впихнуться в переполненный автобус.

У, блядь, кого я вижу! Злоба ёбнула внутри так, что потемнело в глазах. На втором сиденье у окна сидит хачёвская баба лет тридцати с ярко выраженными признаками национальности. Одета в какие-то дорогие меха, на пальцах с длинными красными ногтями золото, в ушах золото, на лице дорогая косметика. Вероятно, эта мразь просто ссытса водить машину, поэтому и ездит в автобусе. Очевидно, что она красива. Что бы такое сделать стрёмное для неё? Тут я понимаю – она же едет домой, а у меня есть нож!

Через две остановки после моей она выходит. Я конечно тоже. Наверняка, я смог бы идти за ней и с закрытыми глазами по шлейфу духов. Она покачивает бёдрами, ноги немного полноваты, но их никак не назовёшь толстыми – это самое то! Впервые с той ужасной ночи у меня встал член. Что за дерьмо?! Я пытаюсь настроиться на мрачные мысли, об убийстве, о крови и опасности. Но он всё стоит. Тут выход один – не смотреть. Но отступить нельзя. Она подходит к подъезду и открывает дверь, нажав на кнопки кодового замка, заходит, и дверь закрывается. Я спокойно стою. План другой.

Выждав пару минут я подхожу к двери и подбираю код. Это оказывается просто – нужные кнопки светлее других из-за частых прикосновений. Какие же тупые тут люди – не додумались иногда менять код. Я прохожу по всем этажам, осматриваю всё, и наконец поднимаюсь на самый верх. Отлично – дверь на чердачный этаж открыта! Совершенно тёмное помещение, заваленное мусором, окурками, шприцами, бутылками и дерьмом. Почему-то приходит на ум Санёк, и я думаю, что к счастью он пока не опустился до того, чтобы ночевать в таких местах, надеюсь, и не опустится. Обратно я спускаюсь на лифте.

По дороге домой думаю только об одном: как я под угрозой ножа затащу её на чердак и

там буду насиловать. Поставлю раком и буду ебать, приставив нож к горлу. Бля! Я останавливаюсь и пытаюсь успокоиться, чтобы не кончить в штаны прямо сейчас. Я кончу прямо в неё. И так как Колян говорил, что мы не должны смешивать нашу кровь, и Санёк говорил, что они же звери, то в момент оргазма я перережу ей горло. Пожалуй, это будет наиболее извращённый и шокирующий акт моего искусства.

Я прочитал в словаре, что искусство – это воспроизведение действительности в художественных образах. Хуёвая такая тракторочка для того искусства, о котором говорил Колян, он ведь хотел воспроизводить какой-то идеал, а не действительность. Но для меня подходит и то и то. Это и идеал, что понятно даже тупому, и действительность, потому что действительность отвратительна. Ну разве не прекрасное решение? А художественный образ – это сам акт и его результат.

На другой день я пришёл на ту остановку заранее. Стою чуть поодаль и сквозь сумерки разглядываю выходящих из каждого автобуса. Нервишки пошаливают походу больше, чем во всех четырёх предыдущих разгах, вместе взятых. Конечно, я ведь об этом сегодня весь день думал, тем более такое. Есть какая-то слабость и дрожь. Подавленное желание уйти отсюда и забыть про это. Но тогда бы я предал себя. А может просто убить без всяких? Я даже не уверен, встанет ли у меня член в такой обстановке. По идее должен встать – встаёт же у других насильников. Истерически хихикаю. Бля, у меня похоже поехала крыша! Опять вспоминаю о виноватых во всём и укрепляюсь в своём решении совершить задуманное.

Она! В груди неприятно дёрнулось, я иду было вслед. Но нет бля, обознался! Уже темно. Неужели не узнаю или пропущу? А если и вовсе не пройдёт, может это будет лучше? Я заметно дрожу. По времени сейчас – уже самое то.

Теперь точно она! Иду следом. И как это я мог принять за неё ту? Ведь совсем другая была! А ноги у меня подкашиваются, но я говорю себе, что это от действия лекарств и травм. Мысль о травмах и рукоятка ножа в руке делают меня ещё более злым. Во рту у меня совершенно сухо. Я понял это и немного успокоился.

Подходим к уже известной двери. Я вдруг понимаю, что можно было ждать уже в подъезде. Хотя нет... Я пытаюсь придать себе беспечный вид, хотя не уверен, получается ли это. В момент открывания ею двери, когда я стою рядом, мне опять кажется, что она на меня смотрит с подозрением. Надеюсь, ничего не скажет, типа, к кому это вы, молодой человек. Но нет, идёт к лифту. У меня странное чувство боязни и возбуждения. Я не спешу, чтобы не стоять рядом с ней слишком долго, пока лифт опускается. Пусть даже это дело нескольких секунд...

Двери лифта закрываются, она нажала на кнопку седьмого этажа, лифт тронулся. Я осознал, как мои глаза дико расширились, когда я достал нож. Я почувствовал желание воткнуть в неё нож прямо сейчас, но одумался и поднёс его к её горлу.

– Молчи, сука, и делай всё, что я скажу! – прохрипел я дрожащим голосом.

– Что... Не надо... Не надо! – она как-то надтреснуто пищит.

– Заткнись, блядь! – я чуть ворочаю пересохшим языком. – Если не будешь дёргаться – будешь жить!

Её лицо трясётся от ужаса, она ухватилась за мою руку с ножом своими ручонками, но я заломил одну из рук и встал сзади неё. Постоянно говорю ей заткнуться, это мразь не прекращая скулит! Открылась дверь лифта на седьмом этаже, но я нажал на девятый, и мы поехали вверх. А там только до чердака...

На девятом я выпихнул её, держа за руку и упирая нож в бок, и начал толкать в сторону чердака. Неожиданно из-за угла вышел длинный детина с сигаретой, и через секунду выражение его лица с недоуменного сменилось на грозное, хотя там можно было прочитать и испуг, и даже страх.

– Это что блядь такое?! – рывкнул он наступая и вытянув руку ко мне.

Бля! Сука! Я отшвырнул бабу, левой рукой схватил руку мужика и отвёл её в сторону, а правой воткнул нож ему в солнечное сплетение. Он крикнул и сел, выпучив глаза. Баба метнулась мимо, но я через два шага схватил её и несколько раз воткнул нож ей под рёбра.

Сдохни, мразь! Сдохни! СДОХНИ!!!

Я так и бежал с ножом в руке вниз все девять этажей, а потом по улице, закрыв левой ладонью лицо и ничего не думая. Это был ужас. Ёбаный ужас!

5. Детское начало

(от лица Александра)

Сегодня пришёл к Роме. Это мой бывший одноклассник, живёт в соседнем районе. Скромный парень, поддерживающий Правую идеологию лишь на словах, на какие-либо серьёзные действия он вряд ли когда-нибудь решится. Единственный толк от него – он неслабо поддержал правую сцену, покупая все диски известного направления, какие только была возможность. Я раньше постоянно брал у него что-нибудь послушать. Сегодня толк от него тоже есть – угощает пивом и вынес мне пару бутербродов. Домой к нему зайти не могли – родители меня знают, как и то, что со мной произошло. Я съел бутеры и пью четвёртую бутылку пива.

– Э, Ром, чё у вас какая странная улица, всё плывёт, – спрашиваю я.

– Пей больше и не такое будет! – Он серьёзен, так как решил выпить всего одну бутылку, да и вообще по жизни он такой.

Я выкидываю добитый батл и достаю последний, пятый. Я сразу потребовал пять. Рома сообщает последние новости из сферы Правой музыки, хоть мне это сейчас совершенно не интересно. Но пусть говорит, не молча же идти. Я ему всё, что нужно, уже сообщил.

Под рассказ о новом альбоме Темнозорь я в очередной раз понял, что с каждой бутылкой то же самое пиво становится всё более горьким и крепким. Конечно иллюзия. Хорошая иллюзия. Глотки становятся меньше и прочувствованней.

– Ну чё, Ром, как тебе моя борода? – перебиваю я.

– Да так... Как бомж какой-то... – нехотя говорит он.

Я не обижаюсь и смеюсь. Я отогрелся в подъезде и теперь, даже несмотря на то, что всю слякоть приморозило, мне тепло. Приятная расслабленность от пива. Да я вообще ослаб, вряд ли сейчас кого-нибудь смогу привалить голыми руками, а это уже плохо. Надо бы обзавестись ножом. Вон Кирилл какой тесак с собой таскает!

– Слышь, Ром, у тебя нож какой-нибудь раскладной есть?

– Да не знаю. Посмотреть надо. А чё?

– Чё, чё! Жидов валить надо! Не ты же этим займёшься!

– А ты в синагогу ворвись, как однажды парнишка один в Москве. Помнишь было?

– Как же. Это Русский Герой. Ещё ведь подобные случаи потом были, но огласку не получили. А этот первый был. А вообще в синагогу не с ножом, а с гранатой ходить надо.

Мы смеёмся. Живот вспучился от пива, и я вспоминаю, как мы в последний раз нажрались с Саней.

– А прикинь ты, чё тут было-то! Саня-то! А-ха-ха!!! – я ржу на всю улицу. – Это ж пиздец просто! Ха-ха-ха!!! Саня-то...

Кто-то неожиданно обгоняет, я даже не видел, что он шёл сзади.

– Уф, я аж испугался! – наполовину в шутку говорю я Роме.

Мужик неожиданно разворачивается и достаёт корочки.

– Молодые люди, я майор милиции Григорьев, вот моё удостоверение. Документы, удостоверяющие личность, у вас при себе имеются?

Я в ахуе! Рома говорит, что документов нет. Не знаю, зачем я лазил по своим карманам, всё равно их нет, и я тоже говорю: нет.

– Так, понятно. А что вы здесь делаете? – говорит мусор.

– Да я вот к другу приехал, а он живёт здесь. Гуляем. – говорю я.

– А где вы были до этого?

– Да всё здесь же, – говорит Рома.

– Здесь, это где?

Рома недоумевает.

– Ну на этой улице, на Лопатина.

– В каком районе вы были? – опять спрашивает мусор.

– Да в этом! – Рома удивляется, как и я.

– В Печёрах, – скромно добавляю я.

Мусор почему-то стал докапываться до Ромы, спрашивал адрес, и кто может подтвердить, что мы были именно здесь. Я стою дико испуганный. Хорошо, что мусор мной не интересуется.

– Пройдёмте со мной в участок.

– А зачем это? – тихо спрашиваю.

– Для установления личности.

Мне становится совсем хуёво. Я понимаю, что убежать сейчас не смогу, как и завалить мусора. И на Ромину поддержку можно не рассчитывать. На ослабших ногах я направляюсь за мусором.

– А что случилось? – спрашиваю.

– Убийство случилось. Людей в подъездах режут, вот что случилось!

– А, ха-ха, – я как-то слишком искусственно и не в тему пытался засмеяться, – ну это не мы. Это я вам сразу говорю.

– Это мы ещё узнаем, вы или не вы.

В мусорскую нельзя попадать ни в коем случае! Я теперь ощущаю себя маленьким мальчиком, который просит хулиганов не бить его. Говорю как-то совершенно по детски, примитивно. Заикаюсь, наверное выгляжу смешно.

– Не, это не мы... Да мы гуляем просто... Он тут живёт. Мы всегда здесь гуляем... Давайте сходим, там дома отец у него, он подтвердит...

Мусор молчит, а мы идём с ним рядом, и я говорю подобную хуйню.

– А что, если бы у нас документы были?

– Ну тогда я посмотрел бы и отпустил вас.

Что-то мелькает, какая-то надежда. Мы уже подходим к участку.

– Ну давайте сходим к его дому, там отец его подтвердит, что это мы, и что вот он только что из дома вышел.

Я понимаю, что говорю как идиот, но ничего больше придумать не могу. Мусор вдруг едва взглянул на нас с презрением и сказал:

– Всё, идите отсюда.

Я издал звук удивления и облегчения одновременно. Без вопросов мы пошли в другую сторону. Я постоянно оглядывался, и едва мусор зашёл в участок, пытался даже побежать, но Рома остановил.

– Ты чё, увидят ещё, подумают чего, – говорит он.

– Бля, какого хуя ему надо было! Да он просто издевался над нами! Захотел почувствовать свою силу, сука! Власть, бля! Да он просто прикалывался! Сука! Мразь! Да был бы у меня пистолет... Мне нужен пистолет, они заебали уже! Всех их пристрелю!

– Блин, Санёк, вот я тут всю жизнь хожу и ничего, а как с тобой, так то вот мусор докапывается, то придурки какие-то. Ты как магнит неприятности притягиваешь.

– Ну нах, это наверное из-за того, что я ржал на всю улицу. Но ты заметил, он к тебе больше доёбывался, хоть я и выгляжу более подозрительно?

– Да, непонятно. Может я по приметам на убийцу больше похож.

– Да не было бля никакого убийства! Напиздил он! Ему лишь бы доебаться! Точно ствол теперь достану, буду таких отстреливать.

Я сразу уехал на троллейбусе, а Рома ушёл домой. Как-то даже неудобно перед ним – пива с него требовал, и чуть в неприятность не попали, и не пообщались толком. Из-за того уроды я даже почти протрезвел. Почему я вёл себя как ребёнок? Наверное, это даже хорошо,

мусор посчитал нас идиотами и отпустил. Или наркоманами. Убийцы ведут себя не так. Хорошо, что я был пьян! И что я часто вспоминаю детство. Это некий идеал чистоты, к которому я стремлюсь подсознательно. Мне так кажется.

Ночевать в очередной раз придётся на чердаке. В пятиэтажном доме на стекловате я положил картон и газеты рядом с горячими трубами. В высотных домах таких труб нет. В общем, неплохо, тепло, но очень неприятно. Но что делать, если других вариантов нет? Опьянение опять вернулось потихоньку, поэтому заснул я быстро...

От чего проснулся, непонятно, наверное, сам по себе. Хотя чувствуется тяжесть и дикий сушняк. Неприятного запаха, который чувствуешь, заходя на чердак, уже не ощущаю – за ночь привык. Надо найти воды! Сколько же времени? Я нехотя встал и выглянул через чердачное окно на улицу. Никого нет, наверное раннее утро. Сразу продуло холодом, и я вернулся к трубам и лёг.

Я смотрю на доски потолка из которых кое-где торчат большие ржавые гвозди, которыми сверху прибиты листы металла. Если не заметить такой гвоздь, то можно проткнуть башку. А интересно, если например, резко встать под таким гвоздём, войдёт ли он в череп настолько, что потом так и останешься там висеть, как будто тебя прибили? И потом жильцы пойдут посмотреть, почему это с чердака тащит тухлятиной, а там ты висишь, прибитый к потолку. Охуенное зрелище! А смерть совершенно дерьмовая.

Я осознаю в этот момент всю уродливость этого места и уродливость моего положения. Я же всю жизнь просыпался дома в кровати. Слышал, как ходит мама, делает что-то на кухне. А как там мама сейчас? Сколько же ей досталось из-за меня! Какой я неблагодарный урод! Наверное, ей очень горько, но я думаю, она же не отвернулась от меня! Наверное, она – единственный человек, который до сих пор любит меня. Я думаю, что это так. Да не всё ли равно вроде сейчас? Эй, да я же не видел маму уже наверное месяц! Мне это сейчас так нужно! Хоть какое-то добро! Почувствовать добро! Попробовать убрать это запустение, одиночество, негатив, депрессию!

Я резко встаю, чуть не налетев на гвоздь, от чего чуть не падаю, и слезаю по лестнице вниз. Выхожу на улицу. Догоняю какого-то придурка.

– Сколько время?!

– Полседьмого, – говорит испуганно.

Я сразу направляюсь на свою улицу. Холодно...

Впервые с тех пор я оказался у своего дома. Мусорской засады вроде нет, не год же им тут сидеть. А может и не было никогда. Все листья давно опали, а весь снег, что был, опять растаял. Уныло, запустело. Хочется убежать отсюда. Но куда? Я стою за гаражом и поглядываю на дверь своего подъезда. Так хочется увидеть маму!

Когда она вышла, я чуть не заплакал. Что-то скорбное, какая-то усталость, опустошённость жизни, всё это было уже в фигуре и походке. И этого раньше не было. Она идёт на работу. Подойти или нет? Нет, это было бы слишком тяжело. Для нас обоих. Слишком тяжело. Трагедия поколений, разлучённых системой. Системой, которую надо уничтожить!

...Вечером я сидел в мрачной компании серьёзных наци активистов у Коляна на квартире. До этого Колян заставил меня помыться и побриться, и даже постирать кое-что из одежды. Впервые за несколько лет я не стал брить голову, и длина волос теперь достигает непривычной длины в пару сантиметров. Но в целом выгляжу прилично.

После обсуждения некоторых тем, которые раньше заинтересовали бы меня, а сейчас нет, я взял слово.

– Вот что, парни. Нужен мне пистолет, чтобы мусоров валить, ну и жидов естественно, и прочих недочеловеков. Достаньте мне, а деньги я потом возьму.

Совещались недолго, решили, что вооружённый НС террорист, возможно даже камикадзе – это хорошо, пообещали достать. Заодно я попросил поддельные документы, если возможно. Сказали, мол и это попробуем сделать. В общем, жизнь вроде начала налаживаться. И ночевать буду у Коляна сегодня, он диван предоставил. Вообще себя

человеком теперь чувствую!

Скинхэд-убийца, которому почти нечего терять, фанатик, борец с системой, революционер – это очень опасный тип. Именно такие спасут Русь!

6. Бритый

(от лица Михаила)

Согласитесь, лучше пройтись по улицам с пивком, чем торчать на этих грёбаных лекциях? Так я и делаю довольно часто, кроме тех дней, когда лекции читают особо вредные преподы. Иначе не сдашь экзамен. Ну да это вы и сами знаете. Сравните: что я сейчас бестолково спал бы за задней партой, а что иду в отличном настроении со своим другом Серёгой, попивая Beck's. Я выспался, с утра послушал кое-что из Oi!, что повеселей, и получил заряд бодрости, который не портят даже эти тяжёлые хмурые тучи. Вы же знаете, как погода влияет на настроение? Но я вам скажу: настроение настоящего скинхэда не зависит от погоды! Зиг Хайль! Это всегда.

– Слышь, Мих, похоже, твоё настроение сейчас испортится! – говорит Серёга, указывая на толпу народа на остановке.

В одну секунду молот выбивает из меня всю весёлость. На остановке стоят два нигера! Нет, вы не удивляйтесь, я не впервые увидел нигеров и расстроился не от их вида. Нет, я видел их многократно, но, блядь, не на этой же остановке!!!

Остановка находится прямо за моим домом, она конечная, и здесь всегда стоят автобусы. Дальше находится овраг. Я люблю иногда постоять за остановкой с бутылкой пива, на краю оврага, и смотреть на другой спальный район, такой же, как мой, находящийся вдалеке, за оврагом, гаражными массивами, помойками и котельными. Там видно дом девушки, которую я люблю... Или я просто смотрю на звёзды... Я не буду сейчас рассказывать вам о моих личных переживаниях, но я думаю, вы понимаете, что эти места для меня много значат. И вообще, какого хуя они делают в этом районе?! Здесь нет общаг, здесь улицы не для прогулок!

Мы видим, как маршрутка подходит и обезьяны залазят в неё вместе с людьми. Я вообще-то не собирался никуда ехать, но не задумываясь зашёл в маршрутку тоже. Нигеры прошли в заднюю часть. Наверное едут далеко, задняя дверь открывается только вручную, и все обычно выходят через переднюю. Здесь вам не Москва, никаких вертушек, всего одна механическая дверь, а другая иногда и вовсе заблокирована. По салону ходит кондуктор. Когда я захожу, мне кажется, что нигеры с кем-то гавкают. Прохожу ближе и врубаюсь, в чём дело.

– Эй, ты моей девушке на ногу наступил, – сердито говорит нигеру здоровый парень в рэперской одежде.

Нигер что-то невнятно мычит в ответ, типа он по-русски не говорит. Знаете, я сразу прикинул, что с этим парнем мы нигеров что плюнем привалим. Если конечно он поддержит, рэпак всё-таки.

Я подхожу и толкаю нигера в плечо, так, что он чуть не падает, и хватается за другого.

– Ты чё, сука, девушкам ноги отдавливаешь?! – говорю я, вытаращив глаза.

Нигеры жмутся в угол, парень с девушкой увели взгляды в сторону, все остальные пассажиры уставились на меня. Маршрутка едет. Я отхлёбываю пива из своей бутылки и делаю безучастное выражение лица. К следующей остановке вроде все уже забыли про меня, лишь нигеры напряжены. Все конечно поняли, кто я такой. Бритая башка, чёрный бомбер, голубые джинсы и конечно же тяжеленные ботинки. Я не шифруюсь, потому что про меня и так все всё знают, включая и мусоров. Я вообще пользуюсь авторитетом среди скинов в нашем районе, это вам тут все подтвердят. Так что если чё... Эй, а чего это Серёга не поехал? Прямо как жид какой-то! Неужели денег пожалел? И ещё одно странно –

кондукторша не отоварила билетом только меня. Вроде обычная Русская женщина...

Бля!!! Пока я задумался, во время остановки нигеры неожиданно открыли заднюю дверь и выскочили. И маршрутка поехала дальше!

– Эй, водитель, останови! Я выйти не успел! Слышь, останови здесь, мне выйти надо! – я просто психую.

Метров через пятнадцать от остановки он всё же останавливает. Я нервно распахиваю дверь и быстро иду в нужную сторону. Нигеры явно не подумали о такой возможности (куда им до этого, сами понимаете) и стояли ко мне спиной, всматриваясь в проходящие автобусы. Обстановка – хуже некуда: народу толпится человек двадцать, метрах в ста ментовская тачка стоит.

А теперь я скажу вам об одной особенности настоящего скинхэда. Он всегда использует единственную представившуюся возможность без малейших колебаний! И в тот момент, когда транспорт остановился на светофоре, а нигеры неспеша двинули к подошедшему автобусу, я большим глотком допил остаток пива и разбил бутылку об голову нигера. Я видел только осколки разлетающегося стекла и струйки стекающей крови, в следующую секунду я уже перебежал через дорогу, смотря лишь на ментовскую тачку. Главное – успеть скрыться во дворах. Я бегу, бегу, мне кажется, очень медленно бегу. Ботинки очень тяжёлые, да и вообще зря я забросил спорт. Я выдохся уже через два дома, но надо бежать. А куда бежать, теперь вообще непонятно, кажется, что спрятаться невозможно. Я замечаю открытую дверь подъезда и забегая туда. Чёрт, даже не посмотрел толком, видит ли кто меня! Может мусора на хвосте? Ну да хуй с ними, теперь уже поздно. Сажу на ступеньках, тяжело дыша.

Ну что, вроде нормально всё. Как вы думаете? Наверняка обезьяны теперь напрягут свои ничтожные мозги, прежде чем ехать в этот район. Теперь они знают, что здесь живёт настоящий скинхэд. (Кстати, заверяю, что настоящий скинхэд здесь вовсе не один). Ну и вообще, я в лишний раз подтвердил своё право принадлежать к этой субкультуре. Как я подтвердил его и в Москве. Да, пока я тут сажу в подъезде, переживая возможность попасться на улице мусорам, расскажу вам о том, как я съездил в Москву.

Да в общем-то просто пообщаться, да купить кое-чём ездил, на пару деньков. Встретился с местным бритоголовым, с которым в Интернете на форуме трещали, он меня и сопровождал в качестве экскурсовода. Сначала съездили в музей Константина Васильева, это вообще непередаваемо, какие впечатления! Вот где Русский Дух! Ходили там добрый час. Потом поехали на Горбушку, там купил пяток дисков, у нас ведь в городе с правой сценой тяжело, кроме Коловрата редко что найдёшь, а тут глаза разбегаются. И последнее место – один магазинчик на Новом Арбате, где была приобретена офигеннейшая толстовка от Thor Steinar. Не подумайте, что я шмоточник какой-нибудь, но хоть одну-то вещь от правой фирмы охота иметь. Дико приятно... А вечером пошли на вечеринку бритых в какой-то маленький клуб. Как мне сказали, такие вечеринки редко бывают, так что мне повезло. Выступали Oi! и RAC группы, как раз то, что я люблю, парни дико слэмили. Ко мне подошёл здоровеннейший бритый детина.

– А, так ты не местный. Ну что ж, посмотрим, какие у вас там скинхэды. Знаешь, в нашей компании смотрят, как ты пьёшь, как общаешься с девушками и как бьёшься. Всего три вещи. Если со всеми тремя всё в порядке, то значит ты настоящий Русич, и достоин своей бритой башки.

Интересный подход. С первыми двумя «вещами» у меня проблем конечно не было (да разве может быть иначе?) Я опрокидывал кружку за кружкой, и это позволяло быть ещё более раскрепощённым с девушками. Похоже, девушки вообще не имели отношения к движению, да и были слишком развязными, но мы отлично и весело пообщались. Я был не против продолжить общение, когда все вдруг двинулись к выходу.

На улице нас уже ждала толпа гопоты. Все они орала, в основном матершину в наш адрес, размахивали дубьём, конечно, хотели убить нас. Это были самые настоящие психи, целая толпа психов. Я оглянулся. Нет, не подумайте, что я трус какой-нибудь, это так, на

всякий случай. Здоровенный детина посмотрел на моё лицо и вопросительно усмехнулся. Сам он был совершенно спокоен. Многие бритые достали аргументы. У меня была только большая гайка в кармане, и я надел её на палец. И понеслась. В такой масштабной и зверской драке я до этого не участвовал. Пока я бил какому-то длинному гайкой по башке, другой хуило сломал брусок об мой затылок, потом я схлопотал несколько раз с кулака, и затем запинал этого недоделанного боксёра гриндерами. Драка длилась от силы две минуты, потом подъехали мусора сразу в большом количестве, и все ломанулись по сторонам. Тогда я ещё заблудился и целый час искал нужную улицу. Хреново блуждать ночью в незнакомом городе с кровоточащим затылком!

Так я и не видел больше того детину, но я думаю, я не ударил в грязь лицом и показал им, что не только в Москве есть достойные скины.

У нас тоже бритые собираются, не с таким размахом конечно, просто в пивной сидят. Сегодня вот вечером будет. А пивные – это вообще офигеннейшая тема, я и некоторые соратники там едва ли не каждый день торчим! У иных, кто постарше, пузо такое выросло, что хоть кружку сверху ставь. Это совсем не такое пузо, какое появляется у обывателей от сидячего образа жизни. Это пивной живот, придающий фигуре более солидный и устрашающий вид. Хотя я, если честно, предпочёл бы сохранить более стройную фигуру, всё-таки скинхэд должен быть примером для подражания. А в пивных мы не как алкаши какие-нибудь время проводим, это вы не подумайте. Я вот даже собираюсь брошюрку написать «Культура посещения пивных». Ну, это когда время будет...

Я выглядываю на улицу. Никого подозрительного. Пока я сидел в подъезде, пошёл снег. Давно пора, а то всё едва выпадет, тут же растает. Конец осени всё-таки, надеюсь, этот снег ляжет уже, а то грязь задолбала. Я иду домой, ибо гулять что-то уже расхотелось, а дома можно в Интернете посидеть, с последними новостями Правого движения ознакомиться.

...В шесть вечера я снова выхожу на улицу и направляюсь в пивную. Сегодня не обычная посиделка, а собираются самые авторитетные Правые деятели, в основном скины конечно, но также и фанаты, и партийные. Ну что я вам говорил, ведь если бы я карланом каким-нибудь был, я бы и не знал про сегодняшнюю встречу. Впрочем, ничего особо серьёзного, просто пообщаться, обсудить дела люди собрались.

В пивной четырнадцать деревянных столов, деревянные табуретки, в конце помещения барная стойка. Лампы неяркие, и что очень хорошо, курить здесь не принято. Всех алкашей отсюда уже попросили (что это бля за капли крови на полу?), это тем более просто, что работают здесь свои люди. Пивная полна народу, у большинства бритые головы.

– Хайль Гитлер!

– Хайль Гитлер! Михан, кто это на нашей улице гуку башку проломил, не в курсе?

– Не ебу. Другой гук наверное.

За другим столиком разглядывают какие-то газеты. Обсуждают... Ого, кого я вижу! Неужели Санёк?!

– Зиг Хайль, Рыжий! Пиздец ты оброс! Ну чё, неужели уладил всё?

– Здорово. Какое на хуй уладил. Вот рискую своей задницей чтобы с вами пивка попить. Так что не буянь, а то нагрянут, и пиздец мне!

– Не ссы, сюда то уж не должны. Шифр! Ты где живёшь-то сейчас?

– Когда где... Вот, кстати, познакомься, это Кирилл. А это Михан, – представил он и меня своему товарищу.

Рядом с Рыжим сидит болезненно-бледный парень с воспалёнными безумными глазами. Он как-то слабо подал руку, но мне кажется, он этой рукой ещё много мяса нарежет... Сидит молча, жуткий какой-то тип. Наверное, самый что ни на есть псих. Ему бы ещё башку забрить...

А вон за следующим столом люди из партии. Диман, Джинн и ещё пара человек. Диман – это главный в отделении нашего города, а Джинн (знаю только прозвище, у него, кстати, борода действительно как у джинна из бутылки) – это типа его зам. Они молодцы, что никому свою партию не навязывают, а то ведь многие скины проповедуют «сопротивление

без лидера» и могли бы послать их подальше. А вон и Колян сотоварищи. Колян у нас главный идеолог национал-социализма, всяко, если вы местные, то про него слышали. Вот и сейчас он глубокие мысли выдвигает, не буду их отвлекать. Вообще народу человек побольше пятидесяти всяко собралось. Здорово!

Я взял кружку пива и присел к небольшой компании. Фриц как всегда рассказывает историю.

– Вот вообще приколы были, не поверите! К нам тут на днях местный нарик подходит и говорит, хочу мол скином стать!

Все гогочут.

– Ну чё, Фриц, приняли вы его?

– Мы ему условие поставили, чтобы от наркоты отказался, тогда и примем. Так вы ржать-то подождите, приколы-то я ведь ещё не рассказал! Ведь из-за чего он скином-то решил стать! Накурился он, значит, какой-то мощной штуки, да и слова перестал понимать. Он к гуку подходит и спрашивает что-то, ну гук что-то и ответил, а нарик не понимает! Нарик говорит, мол ты по-русски давай говори, я же ни чё не понимаю! А этому гуку наши карланы за неделю до того морду набили, да ещё и поглумились над его акцентом, говорили, мол гук, говори по-русски, мы ничё не понимаем. Ну тут гук и подумал, что опять скин до него доебался, благо у нарика башка тоже бритая была, ну и отпиздил его. В развороте с ноги по ебалу и всё такое. А нарик же не в курсе, из-за чего, вот злой теперь на всех гуков. Типа бэд трип, ха-ха!

– Бля, да я хоть одного уторчанного скина если встречу, сразу убью! Гоните его на хуй, а лучше убейте! – как всегда огрызнулся Злыдень.

– Парни, а вы слышали, кто-то хачикам глотки перерезает. По два хачика на неделе почти что получается. Прямо маньяк какой-то! – говорит Фёдор.

– Да-да, охуенная тема! Интересно, кто-то из наших, или просто хобби такое у чудака какого-то? – шутит Фриц.

– А чё рассуждать, – говорю я, – давай поддержим сие богоугодное дело! Тут, мне сдаётся, один или двое работают, а если ещё человек десять поддержат, то как здорово будет!

– Да, я уже думал об этом, – говорит Злыдень. – Давайте, кто больше всех чёрных голов принесёт, того все целый год здесь пивом угощают!

– Гы, ну ты шутник, ёпты! – усмехнулся Фриц. – Этим бравировать нельзя. Вот один дурик каждый свой подвиг в блокнотик записывал...

– Блин, Фриц, да ты про этого мудака уже десять раз рассказывал! А соревноваться в натуре не надо. Здесь главное – решиться. Пропаганда какая-нибудь нужна, – говорю я.

– Пропаганда! Да тот, кто режет, и без пропаганды наверняка обошёл! Да может это конкурирующие наркодилеры устраняют друг друга.

– Нет, мусора по телеку сказали, что все эти хачики между собой никак не связаны. Они конечно говорят, что им самим надо, может напиздили, но мне так не кажется. Я скорее подумаю, что кому-то Сатана явился, ну или наоборот Христос, и приказал приносить ему в жертву хачей.

Фриц оживился.

– Гы-гы... Слушай, а вот на счёт Сатаны, да всего такого. Вы в курсе, что в бане банник живёт, ну типа как в доме домового, в лесу леший? И говорят, что банника лучше не злить, а то он кипятком может облить или вообще кожу содрать на хуй! И что надо в три захода в баню ходить, потому что в четвёртый там банник с чертями моется! Так вот значит какая история произошла. Приехали в Россию два нигера и решили Русскую баню посетить. Им говорят, не надо мол, надо привычку иметь, а они: мол мы к жару привыкшие, топите сильнее. Натопили им и зашли они туда вдвоём. И вот, когда один решил пару поддать, хоть им и так плохо там стало, и плеснул на каменку, а из каменки все камни в него полетели и забили его насмерть! А второй хуило на полке сидел, напротив краника как раз, так этот краник вдруг сорвался, и струя крутого кипятка прямо в нигера ебанула! И сварился он!

– А-ха-ха! Блин, Фриц, банником-то ты что ли был? Или приснилось тебе это?

– Нет, это парни из Питера рассказали. Они врать не будут... О, смотри, фанаты пришли.

– Фриц, да они такие же фанаты, как и ты. Обычные скины на самом деле, ну ходят иногда на стадион. Пойду с Микробом пообщаюсь, а то я его уже месяц не видел, с тех пор, как нигеров вместе в центре вальнули.

Я беру ещё одну кружку пива и иду за другой столик. Вот так примерно и проходят некоторые наши вечера. Совершенно дружеская обстановка, да вы сами понимаете, иначе и не может быть, когда собираются все свои.

7. Судьбоносной нити узлы

(от лица Александра)

В этот последний день осени небо словно набухло, желая выбросить на землю тонны снега. Тёмные тучи несутся, увлекаемые ледяным ветром, который пронизывает и меня. Я постоянно захожу куда-нибудь погреться: в пивные, магазины, подъезды и квартиры знакомых. Совсем обнаглел, почти не шифруюсь. Уверенности дают привычка и прижатый ремнём к животу пистолет. Наверное, больше привычка, ибо отстреливаться от мусоров я явно не горю желанием. Конечно, самое спокойное место – это чердак, там я и провожу сейчас время.

Почти всё время, проводимое в уединении, я изучаю пистолет. Не строение или детали интересны в нём. Интересно действие, оказываемое им. Когда наставляешь ствол на какую-то часть своего тела, в этой части появляется неприятное ощущение, даже если расстояние до тела достаточно большое. Но когда я приставляю его к своему виску, ощущения совершенно другие. Чувства спокойствия, бесконечности, судьбы и вечности порождают желание нажать на курок. Сильное желание. Идущее из подсознания. Как оно туда закралось? Как оно туда, блядь, закралось?!

Всю эту осень я думал о смерти. Не напрямую и даже не о своей. Но она влезла в меня. Она приходит ко мне в каждом беспокойном сне в человеческом облики. В каждом сне так или иначе она присутствует. А если её нет, я смотрю, где же она? И я иду туда, где она живёт, во сне я знаю даже это место. Я знаю конкретный дом и квартиру, знаю где она бывает. Ведь чаще она всё-таки рядом. Просто, так же, как и все остальные персонажи сна, но я знаю, что она всегда держит меня в поле зрения, а когда я отвернусь, она смотрит на меня страстно и во все глаза. Но я не могу поймать этот взгляд, не могу подойти к ней и спросить, просто не могу заставить себя сделать это, несмотря на всё желание, всё влечение. Просто ищу её всегда, чтобы видеть, держать в поле зрения, боясь встретить горящий взгляд этих глаз. Я думаю о ней каждое утро и забываю к вечеру, но ночью она опять приходит. Она живёт в подсознании. Она тоже знает многое обо мне. Иногда она звонит на мой мобильник, существующий теперь только в сновидениях, и я никогда не могу принять вызов, запутываясь в цифрах и программах телефона. Я хожу по длинным пустым коридорам, по тёмным улицам и подъездам в поисках её. Зачем? И почему?

Конечно, по утрам я многократно пытался понять, где всё это происходит. Некоторые места узнаются. Но где сам ДОМ?! Наверняка там найдётся разгадка.

Этой ночью приснился особенно тревожный сон. Я просто зашёл в тот подъезд, где живёт ОНА. Просто зашёл от нечего делать. Ну там почитать надписи на стенах и всё такое прочее. Я не думал, что она появится, но она появилась. Этажом ниже. Она не знала, что я вижу её, но она поднималась вверх, и я побежал от неё. Я решил добежать до верхнего этажа, там вызвать лифт и уехать вниз. Главное – успеть! Ведь она живёт на верхнем! Бегу. Сколько же людей на лестничных площадках! Дети, их родители, старики, курильщики, нарики и вообще непонятно кто. Когда я продирался сквозь них, какая-то женщина упрекнула меня в

том, что я с ней не поздоровался. Я впервые её видел! Выше, выше! Вырвался! И в магазин, что рядом, потом в подземный переход и на остановку. Убежал! Но увидел! Сердце дико билось даже во сне.

Но разве может такое остаться незамеченным? Где-то среди туманных улиц сновидения я услышал звонок своего телефона. Я с удивлением смотрел на высвечивающийся номер с четырьмя четвёрками на конце. Я просто нажал кнопку приёма.

– Я слушаю.

– Ты опять сегодня приходил ко мне.

Я знаю этот голос. Какой-то упрёк звучит в нём. Зачем вообще она это говорит, если всё и так знает!

– Да, я был там сегодня, – говорю.

– Зачем ты приходил?

В этом голосе словно боль за меня, желание помочь мне. И это мне совершенно не нравится.

– Ну, у меня были свои дела там...

– Какие у тебя были дела?

В этом вопросе есть понимание настоящих причин, и его смысл – у тебя нет там никаких дел кроме меня. Я не выдержал и взорвался.

– Слушай, я не обязан перед тобой отчитываться! Это моё личное дело, моя личная проблема, и не надо лезть! Я сам со всем разберусь!

– Саш...

– Нет! Это моё личное дело! Всё!

И я прервал связь.

Такой простой разговор, но он был. Это так много значит для меня. Это подавляет. Я пытаюсь понять смысл этого разговора, но голова не работает. Было произнесено моё имя...

Я наконец-то опознал район, где всё это происходило. Конечно, всё очень условно. Это недалеко от того места, где живёт Кирилл. Надо сходить туда сегодня под предлогом общения с ним, и посмотреть. Вдруг что-то узнается?

Этот разговор в какой-то мере указывает на моё упрямство. Возможно, мне надо было выслушать её, я уверен, что она дала бы какой-то совет. Правда, даже сейчас я не хочу слушать никакие советы, а во сне я тем более себя не контролирую. Может ли повлиять всё это на мою судьбу? Это не известно. Как не известно и то, делаем ли мы сами свою судьбу, или всё предначертано заранее, и от узла на нити судьбы, который делает мистическая дева, никуда не убежишь. Конечно, мы можем думать, что сами творим свою судьбу, но может все эти собственные сотворения – это тоже узелки? Ясно одно – кто бы ни был виноват, а удары судьбы надо сносить стойко, понимая, что это есть испытания, проходя которые, мы становимся именно теми, кем являемся. Даже если этот удар – смерть. Значит ты нужен в Вальхалле, значит тебя позвали. Викинги умирали с радостью, в отличие от современных обывателей.

Что ж, если так, не будем торопить события! Надо хотя бы днём не думать о смерти и не направлять на себя пистолет. Я уверен, что смогу побороть эти мрачные мысли, и это ещё один довод в пользу того, что я сам делаю свою судьбу. Меня ещё не позвали. Ещё столько всего предстоит сделать! И пистолет пригодится в другом. А ночью... Что ночью? Не знаю. Попробую найти разгадку в реальном мире.

Направляя мысли в более позитивную сторону, я вспомнил, как убил кое-кого. Были убиты два хачика, один мусор и один жид. Если в первых случаях всё ограничивалось выстрелом и бегом с места происшествия, то последний был просто каким-то драматическим актом. Этот жид жил на соседней улице, я даже знал, как его зовут. Я явился на сцену, то есть на площадку рядом с подъездом высотного дома на краю улицы. Вечерняя тьма едва растворяется фонарём, огороды за домом и вовсе утопают в черноте. Подошёл к Давиду, идущему с работы домой, вытянув вперёд пистолет.

– Сейчас ты умрёшь!

– Что? В чём дело?! – лицо его исказилось от страха.

– Ты жид!

– Что? Нет!!!

Хор грянул: Он жид, убей его!!!

Давид ломанулся, крича караул. Я стрельнул. Гром. Давид упал. Хор грянул: Он мёртв, он мёртв!!! Теперь ломанулся я, покидая сцену.

Что там было дальше, я не знаю. Телевизор не смотрю. Да и не стал бы, эти еврейские сериалы могут вызвать лишь отвращение, вплоть до рвоты.

На ум вдруг приходит фраза: «Девиз кшатриев: умей нести смерть, умей и принимать её!» Далее я погружаюсь в мрачные философские мысли. Снаружи темнеет. Ветер воет...

Вой слышен и через несколько часов в пивной, где мы сидим с Кириллом, в промежутках между громкой музыкой. Сюда мы зашли впервые, хорошее такое заведение. Мы сидим на втором этаже, недалеко за столиком симпатичные девушки, но они опасаются смотреть на таких отморожков, как мы. Наверняка мы выглядим ужасно. Кирилл всё такой же депрессивный, как и всегда, только ненависти в нём стало ещё больше. Он почти не разговаривает, мало пьёт, но вроде уже пьян. У меня всё наоборот, я пью кружку за кружкой, не пьянею и постоянно говорю.

– Да-да, я пропагандирую необходимость убийства мусоров! Это же уроды, не достойные Белой Расы! Сам подумай, кто идёт в ментуру? Чмошники и лохи, которые больше ни на что не способны! Их чмырили, когда они учились в школе, и теперь они отыгрываются на других людях, зачастую ни в чём не виновных! Пользуясь безнаказанностью грабят, насилуют, убивают... Все давно знают про ментовский беспредел. Вот помню, однажды в Питере отличного Русского парня застрелили. В затылок! Это ж пиздец, ты понимаешь?! Этот парень сейчас нас ждёт в Вальхалле, но я думаю, он порадует, если мы завалим побольше мусоров. Да, мусора – воистину чмошники! И ещё: ими же жида из правительства руководят! Типа, убейте мол Русского патриота, чтоб другим не повадно было! Жидовские холопы! Ну да, я не спорю, есть там и наши люди. Это исключения, они скина никогда не завалили бы, а наоборот дали бы убежать. Они для того туда и идут, но очень мало их, очень! В будущем они возглавят Гестапо. Но мало, блядь! Так что при общей оценке мусоров их и не замечаешь, и можно обобщить – мусора чмошники!

Потом я пытаюсь вспомнить, что же там было в Питере. Наверное, я никогда и не знал подробностей. Я представил, как парень ринулся в последний бой как Берсерк, зная, что ему здесь не победить. Он погиб как настоящий Ариец. Это и есть Герой Белой Расы. Слава!

У меня развилась депрессия, появилось желание застрелиться и перестрелять других. Конечно, блядь, ведь где я сижу-то! Мне кажется, я узнал дом. Да, именно тот дом. Из моих снов. Я почти уверен, в какой подъезд надо идти, к какой двери. Что я там буду делать? Просто стоять, держась за дверную ручку? Тупить с возмущёнными обывателями? Или бежать в ужасе? Да и стоит ли идти? Я решил сначала выпить для успокоения, и мы зашли в находящуюся рядом пивную. Надо будет потом распрощаться с Кириллом и сходить туда. А заведение хорошее! Я пью уже шестое пиво, но почему-то всё равно нервничаю.

Кирилл неожиданно разворачивается и орёт на кого-то. Из-за громкой музыки я различил только матершину. Посмотрев туда я врубился в чём дело. В пьяных рассуждениях я не заметил, как в пивную зашли два хачика. Они сидели в некотором отдалении за столиком и приставали к Русским девушкам. Кирилл был прост:

– Заткните ваши ёбаные пасти, уёбищные чурки, и ебашьте отсюда, суки, пока я вам глотки не перерезал прямо тут, мрази ебучие, хуесосы, мудаки, пидоры!!!

Он вопит, похоже, решив произнести все нецензурные слова, какие он знал. Он вытаращил глаза и выглядит как настоящий псих. Чурки тоже вытаращили на него глаза, потом с важно-непонимающим видом встали и направились к нам, явно собираясь наехать, и вот уже один толкает Кирилла в плечо и что-то спрашивает. Кирилл отбивает его руку в сторону и даёт хачику по челюсти. Другой цунар налетает на него и валит на пол. Вот они пинают Кирилла, люди вокруг подняли вой, зовут охранников с первого этажа, а я

вскакиваю, и чуть не упав, кидаю пивную кружку в хачика. Промахнулся! Я подлетаю, бью его с ноги и получаю крепкий удар в грудь. Здоровый он, сучара! Снизу уже бегут охранники. Этого нельзя допустить!

Как бы хотелось почувствовать себя Берсерком...

Я просто достаю пистолет и стреляю в лицо хача. Оно словно проламывается в области рта, и он падает в последних содроганиях. Другой урод, навалившийся на Кирилла, сразу вскочил в диком испуге и пытается что-то сказать. Пуля пробивает его уродливый лоб. С другой стороны охранник в растерянности хватается за что-то, висящее у него на поясе. Блядь, ты тоже как ёбанный мусор! Я стреляю ему в живот, и он отлетает с расплывающимся по тёмной рубашке ещё более тёмным пятном.

– Кирилл! Кирилл, бля, бежим отсюда! Всем сидеть, бля! Я сказал, сидеть всем, щас всех перестреляю!

Я почти потерял ориентацию в пространстве, и мне кажется, что люди хотят броситься на меня. Мы бегом спускаемся вниз по узенькой лесенке среди грохочущей попсы, в табачном дыму и синем полумраке. Я замечаю спину убегающего второго охранника и стреляю ему вслед. Не попал. Блядь, ведь пока дрались, стреляли, психовали... Ведь немного времени прошло? Или много? У меня в голове каша... А мусорская совсем рядом, это я заметил...

– Кирилл, ты придурок на хуй! Придурок! По кой хрен...

Именно тут мы добегаем до двери на улицу, разгоняя стволом толпящихся людей и оря на них. Именно тут я ногой распахиваю дверь и выбегаю на улицу, где тихо идёт снег.

– Стоять, брось оружие!

Один мусор наставил на меня пистолет, ещё один подбегает с калашом. Подъезжает ещё одна мусорская тачка. Ментура ведь рядом...

«Зачем ты пришёл сюда?» – звучит в голове знакомый голос.

– К тебе! – говорю я вслух и поднимаю пистолет.

В тот момент краем глаза я вижу, что ещё один мусор стоит сбоку. Он нажимает на курок...

ЧАСТЬ II. ТЬМА

*Зима дышит холодом, мечами рассекает,
Мечами лютой стужи чувства ложные карает,
Из мрака пустоты Сила Жизни Свет рождает:
Он пламенем горит или тихо угасает.*

(Волкотень)

1. Холод и тьма

(от лица Николая)

Колючие снежинки непрерывно бьют в лицо, дышать тяжело, так как мороз обжигает гортань. Смотреть получается только под ноги, иначе глаза сразу залепит снегом. Я кое-как замечаю нужный подъезд и захожу в него. В самом подъезде не многим лучше, стёкла выбиты и снег залетает внутрь. Ступеньки покрыты коркой льда, поэтому я поднимаюсь вцепившись в перила. Хорошо, что на руках перчатки, иначе я точно прилип бы. Видимость ужасная, только от уличных фонарей сквозь стену снега едва проникает оранжевый свет, отражаясь от примёрзших к полу шприцов с кровью. Также я вижу кристаллизовавшуюся лужу крови на ступеньках. Пахнет калом. Отвратительнейшее место, но я думаю, что во

многих подъездах на этой улице ничуть не лучше.

Добравшись до третьего этажа, нажимаю на звонок. Не открывают. Неужели нету? Ещё раз нажимаю на кнопку. Тишина. Стучу. Наконец-то дверь открывается и выглядывает одетый по уличному Артём.

– Здорово! Ты уходишь что ли куда?

– Нет, – раздражённо говорит он, – дома ни отопления, ни электричества! Ладно, хоть газ есть, вот сижу у плиты греюсь!

– Хуя себе! – я могу только открыть рот от удивления.

– Да-да, у двух домов электричества нет, а отопления у всей улицы. Говорят, что котельная накрылась от старости. Вот уже два дня так. Наверняка нас хотят убить! А, да ты заходи!

Я зашёл. В квартире и правда холод такой, что только в уличной одежде и выживешь. Из рта вырываются клубы пара, и я подумал, что только снега не хватает.

– А где жена?

– К мамане пока пожить уехала. Она же и так болеет...

Мы садимся на кухне рядом с плитой, у которой зажжены все четыре горелки.

– Чаю хочешь? – спрашивает он.

– Да, давай... Слушай, я вообще-то думал, что у тебя свет есть, хотел пару твоих картин для журнала сфотографировать. Ты как вообще на это смотришь?

– Нормально. Для людей рисую, а не для денег. А ты в журнал-то чёрно-белые хотел поместить, или цветную вкладку решил добавить?

– Да, вкладку. Я тут с одним парнем познакомился, у него на работе цветной принтер есть. Попробуем.

– Ну давай, в субботу днём заходи, сфотографируешь. Кстати, пойдём, оценишь моё новое начинание.

Мы идём в другую комнату, держа в руках чашки дымящегося чая. Артём светит фонариком.

– Дай-ка фонарик, я сам освещу.

Новое полотно очень необычно и противоречиво, чем-то напоминает икону. Большую часть полотна занимает крест с распятым Христом. Такого Христа я ещё не видел: тело с мощными мышцами, как у тяжёлоатлета, всё покрыто шрамами, новыми и старыми. Суровое лицо затемнено, ледяной взгляд суровых глаз цвета стали пробивается через свисающие пряди светлых волос. На шее у него висит Молот Тора. Под крестом едва обозначена карандашом соблазнительная фигура Девы Марии. Где-то сзади стоит Рогатый. Конечно это не сатана. Всё освещается копиями солнечных лучей, пробивающимися тучи. Определённое место на холсте ещё не заполнено.

– Ого, да это прям викинг какой-то! Чего это тебя на христианские темы пробило?

– Ну, это просто смелый эксперимент. Я подумал, что христианство вот так сразу не уничтожишь, так можно попробовать хотя бы его изменить. Придать ему героизма, что ли... Короче, постепенно превращать в язычество!

– Неплохая идея. Главное, чтобы все поняли как надо. Но как же это будет соседствовать вот с этой картиной?

Я направляю луч фонарика на висящее на стене другое полотно. Оно изображает огромный зал с колоннами и мозаичным полом. На тронном месте стоит статуя Аполлона, каменная, но поражающая своей живостью. А перед ней валяется сброшенный разломанный крест с прибитым к нему истлевшим телом. Всё это символизирует свержение христианства вновь пришедшим язычеством.

– Ха-ха, ну не обязательно же их выставлять рядом! Тем более, мои картины предназначены для немногих, которые и так всё прекрасно понимают. А поймёт ли профан – меня это не волнует.

Остальные картины изображают в основном сражающихся богатырей или сцены Второй Мировой, короче акцент сделан на героизм. Как исключение – совершенно

психоделическая картина «Природа», поражающая буйством всевозможных трав, ягод, грибов и животных, и проникающая как будто прямо в мозг смотрящего. Если всматриваться, в этой мешанине можно увидеть Руны.

– Ты не боишься, что картины от мороза испортятся?

– А, не знаю. Хреново конечно это, но что поделаешь? Перевозить их куда-то тоже не хочется.

– Ну, если хочешь, ко мне перенеси. У меня же, сам знаешь, с ними всё в порядке будет.

– Всё в порядке, блин! Да к тебе в любой момент мусора заявиться могут из-за твоей деятельности, за одно и картины мои приберут! Нет уж, я лучше их кому-нибудь другому доверю!

– Ну, как знаешь. Ладно, я к тебе в субботу зайду.

– Давай. Когда журнал-то готов будет?

– Да через пару недель. В принципе уже почти готов, осталось только вкладку сделать, некролог про Санька написать и распечатать.

– А ты на похоронах-то был?

– Был конечно. Туда скины едва ли не со всего города пришли. Потом двух мусоров завалили, слышал наверное?

– Н-да. А со вторым-то парнем что там?

– Он в следственном изоляторе пока. Наверняка посадят его, хоть он никого и не завалил там. Надо бы его поддержать, мы вот уже решили адвоката хорошего нанять, средства собираем. Так что делай взнос, если с деньгами проблем нет. Надеюсь, он сам не сглупит, на допросах или в суде не скажет чего лишнего. Он в принципе нормальный парень, я с ним пару раз общался.

– Но ведь вроде всё из-за него произошло?

– Да, похоже на то. Это всё по пьяни они, вот ведь дурни-то, постоянно бухали! Сколько проблем из-за этого! Пора бы уже активно пропагандировать отказ от алкоголя.

– Ну, Колян, это хорошо конечно, но вряд ли большой толк будет. Скинхэд без пива – как танк без топлива.

– А Прямая Линия? Зря ты это.

– Да-да, знаю я! Шучу! Но всё же считаю, что алкоголь вдохновляет на подвиги, а меня вот зачастую на живопись. Главное – знать меру.

– Да, мера – самое важное. Санёк с Кириллом едва ли об этом думали. Всё ж я напишу статейку...

– Колян, ещё чаю?

– Нет, благодарю. Мне ещё много чего сделать нужно, так что я пойду.

– Ну давай.

Мы прощаемся, снимая перчатки, в которых были даже здесь, в квартире, и я выхожу через этот мерзкий подъезд, попадая на ставшую вдруг спокойной от буйства зимней стихии улицу. Снежные тучи уходят на восток, сдвигаемые фронтом звёздной чистоты. Ночное зимнее небо без туч всегда глубоко поражало меня своим величием. Порой, представляя размеры даже видимой части Вселенной, я ощущаю какой-то первобытный ужас. Но это правильный, нужный ужас. Он напоминает о родстве со Звёздами, о гигантских галактических свастиках, вращающихся в такой дали, которую невозможно представить. Всё это даёт абсолютную уверенность в нашей Победе. Об этом писал Мигель Серрано, об этом знали наши древние предки.

Как мала наша планета. Но кто знает, может всё существование Вселенной зависит от исхода битвы на ней? И кто знает, может исход этой битвы зависит только от одного человека?

Как бы там ни было, каждый из нас должен внести посильный вклад в борьбу. Я постоянно напоминаю соратникам об этом. Я поддерживаю все приемлемые проекты, особенно в сфере искусства, так как в других сферах, типа уличного насилия, есть свои

вдохновители. И если с музыкой всё в порядке, появляются всё новые лейблы, поддерживающие НС и выпускающие совершенно разнообразную музыку, то с литературой и живописью слабовато, да и периодические издания явно надо развивать. Усилиями нескольких соратников мы выпускаем два раза в год журнал «Голос Ария», где стараемся освещать новости Правого движения в совершенно разных его проявлениях. Помимо описания прошедших акций и мероприятий, публикуются интервью с начинающими музыкантами, писателями, поэтами и художниками, также рецензии на их произведения, порой и сами произведения, в случае подходящего размера. Главное – дать реализоваться деятелям правого искусства хоть где-то, ведь зачастую никому не известные авторы создают произведения, явно превосходящие те, что уже получили распространение, но они даже не мечтают сделать их доступными массам, ведь при нынешней обстановке в стране это практически невозможно. А надо! Сколько соратников появилось в результате впечатления, произведённого на них музыкой группы «Коловрат» или NSBM! Я также слышал, что некоторые стали скинами, прочитав книгу Дмитрия Нестерова. А хорошо оформленный журнал с адекватной подборкой статей! Я уже получал письма с благодарностью за то, что «Голос Ария» раскрыл читателю глаза на этот мир. Кстати, для меня самого много лет назад окончательным доводом в пользу того, чтобы поддержать скинов, стал просмотр фильма «Romper Stomper». Так что Правое искусство очень важно.

Помимо журнала два раза в месяц мы выпускаем небольшую газету, но тут уже не я главный. Распространяется она бесплатно, а печатается на средства, полученные от добровольных взносов соратников и от прибыли от журнала. Газета называется «Пламя Чести» и комментирует происходящее в мире, как и все другие газеты, причём рассчитана она как на соратников, так и на обывателей, не знакомых с тонкостями национал-социализма. Это инструмент пропаганды.

Вообще для пропаганды вскоре мы планируем запустить своё радио, но получится ли, этого пока никто не знает. Здесь вопрос в технических тонкостях, в которых я ничего не понимаю. Вот когда запустят, тогда я и вольюсь в работу.

Журнал, газеты, возможно радио – всё это как один из немногочисленных лучей света в информационной тьме. И произведения Арийского искусства – тоже лучи света, проникающие во тьму сознания человека, и будящие в нём Арийское начало, если оно там ещё осталось. А акты насилия и убийства – это уже пожар, порождённый этими лучами, и сам он светит ещё ярче. Когда-то он разгорится так сильно, что тьмы не останется нигде. Выше, пламя в ночи!

У меня есть ещё один проект, не столь серьёзный, но тоже очень важный. Про него пока никто не знает. Я пишу небольшую книжечку «Основы национал-социализма». Сначала я даже думал назвать её «Национал-социализм для начинающих», но потом подумал, что это звучит почти так же, как «Национал-социализм для самых маленьких». Впрочем, по содержанию почти так и есть. Это книжка для подруг и друзей скинхэдов, для обычных дискотечных девчонок и нормальных парней студентов, которые спрашивают у него, что это за увлечение у него такое. Много ли он расскажет? Кто-то увязнет в скучных подробностях, в другом так всколыхнётся чувство любви к Родине, что он и двух слов связать не сможет. Да, ораторов среди нас немного, поэтому и не понимают товарищи, зачем этот странный парень забрил голову и сделал себе нацистскую татуировку. А что он им может дать почитать? Серьёзные книги клонят их в сон, ведь современная молодёжь зачастую не умеет читать даже художественную литературу развлекательного содержания. А журналы, понятные только своим, типа «ритуальный вестник Правой перспективы», иллюстрированный горами жидовских трупов, сценами расстрелов и лозунгами «Да здравствует Смерть!», вызовут у них шок. Вот я и решил сделать небольшую брошюрку, в интересной и увлекательной форме рассказывающую о национал-социализме, как о чём-то экзотическом, ведь обычный стиль пропаганды тоже многих напрягает. В «Основах» рассказывается о том, как жили наши древние предки, какие были у них идеалы, о роли жидов в разложении общества, о расах и последствиях их смешения, о Второй Мировой

войне, о Яне Стюарте и движении скинхэдов, о Варге Викернесе и NSBM, о современном положении дел и о том, к чему мы стремимся. Также прилагаются списки книг, которые рекомендуется прочитать, альбомов, которые можно прослушать, и Интернет сайтов. Может эта брошюра и не сделает человека соратником, но по крайней мере даст ему понимание сущности движения, которая явно отличается от преподносимой ему СМИ. И я всё же стараюсь писать так, чтобы национал социализм вызывал симпатию у ознакомившихся с моим трудом. Что ж, время покажет...

Взгляд на звёздное небо всегда вызывает массу мыслей, и даже почти не замечаешь сильного мороза. Но пальцы теперь до того замёрзли, что я едва смог открыть ключами дверь, когда пришёл домой. Надо отогреться, благо у меня и отопление и электричество есть. И перед сном ещё многое прочитать. Ведь надо развиваться...

2. Музыкант

(от лица Олега)

Forest. «В Пламени Славы».

Пожалуй лучший альбом среди всего Русского НСБМ-а. Потрясающая лирика проникает в самые глубины души, будоражит сознание, возбуждает бескомпромиссное желание бороться до самой смерти, прожить жизнь героически.

И разделяя, сокрушая
Ненавидя и горя
В прах низвергать, ввергая в хаос
Стадные народы...
Дерзать, Пылать, Сражаться!

Здесь выражено всё, все наши устремления, наш долг. Это прекрасная лирика для поднятия боевого духа!

Добиваться победы – ломая хребет
Безумному зверю смещения рас,
Его корни гнилые – вырвать и сжечь!
Без доли сомнений!
Без капли жалости!

Это прямое продолжение великого вдохновения Адольфа Гитлера, которому посвящена одна из песен. Который указал нам путь. Его портрет помещён в буклет, и это многое значит. Вообще всё оформление сделано великолепно, визуальный ряд здесь дополняет впечатление от музыки и песен.

Я бы не стал относить Национал-Социалистический Блэк Метал к металлу вообще. Хоть НСБМ и вышел из блэк метала, а тот является одним из жанров металлической музыки, но сегодня это уже ничего не значит. Метал сдох, а НСБМ, как и родственные ему стили *rapan metal* и *folk metal*, живут самостоятельной жизнью, и сдаётся мне, расцвет ещё впереди.

Музыкальная сторона альбома «В Пламени Славы» достаточно разнообразна, в отличие от ранних альбомов группы. Бескомпромиссность – вот слово, характеризующее эту музыку. В этом и заключается отличие НСБМ от любого металоидного стиля, сколь экстремальным его бы не считали. Да-да, именно металоидного, а не металлического. Те группы, которые играют метал, не подкреплённый актуальными идеями необходимости борьбы, уже не интересны передовой и агрессивной части молодёжи. Аполитичный, сатанинский и прочий бестолковый метал сегодня слушают лишь чмошники, которые за счёт этого считают себя

несколько более крутыми. Это металоиды. Им не надо ничего кроме метала. А когда металл становится востребован лишь чмошниками, это означает, что он сдох.

Я тоже раньше увлекался металом, у меня были длинные волосы. Но однажды мой пресный день вчерашний был сокрушён. Я скинхэд, я теперь не задумываясь вломлю металоиду, если он оказался чмошником. Примерно полгода назад я наблюдал начало конфликта металоидов и гопников. Всё шло к драке. Пять гопников и шесть металоидов. Волосатые на дико испуганных цах дрожащими руками выдёргивали торчащие из земли арматурины, ибо находились они на засранной местности за стадионом, в тени деревьев. Рядом стояли три готические девки, перед которыми две минуты назад эти металоиды строили из себя дико крутых парней. А крутыми парнями оказались другие, вышедшие вместе с лучами солнца со стадиона, в светлых одеждах, с голыми кулаками. Конечно, здесь всё дело в контрасте, на самом деле наверняка они были обычными пьяными быдлоидами. Но кто скажет, что это не типичная ситуация? События развивались бы совершенно по другому, если бы вместо металоидов оказались скинхэды, фанаты или НСБМ активисты. На них бы попросту побоялись наехать. Кстати, почему бы всем людям из НСБМ движения не забрить голову? По-моему длинные волосы слишком уж напоминают хиппи. Было бы единое бритоголовое сообщество, внутри которого совмещаются разные музыкальные предпочтения: Oi!, RAC, NSBM, dark folk, martial industrial, pagan metal и прочее и прочее...

Сам я слушаю совершенно разнообразную музыку, которая подкреплена НС идеологией и правыми убеждениями музыкантов. Всё другое попросту неактуально и ненужно. Я и сам музыкант. Сейчас я экспериментирую с новыми направлениями, и это непросто.

Сначала я пробовал играть НСБМ, но вскоре понял, что это не лучшая идея. Чтобы оторваться от металоидного восприятия музыки, нужен определённый опыт. А чтобы играть металл, не причастный к металоидности, нужен вообще значительный опыт, знания и, главное – определённые душевные качества. И это не так просто, как кажется. Меня постоянно тянуло сыграть что-нибудь в духе прочно засевших в голову Burzum и Darkthrone, в итоге получалось что-то типа, например Молотх «Чёрным Крылом». Это на самом отличный альбом, но мне не кажется, что он произведёт нужное впечатление на кого-либо, кроме заядлых блэкарей. Нужно другое. Как, например альбом Forest, который сейчас звучит, альбом Nokturnal Mortum «Мировоззрение» и альбомы Темнозорь. Эта музыка освобождена от металоидных стереотипов, и можно сказать, что она воспроизводит некие архетипические созвучия. Я же почувствовал несколько иное вдохновение относительно творческого процесса...

В то же время я с другом Никитой затеяли Oi! проект для выражения позитивного аспекта борьбы и жажды жизни. Мы репетируем и по сей день, несколько песен уже готовы. Сам я впрочем предпочитаю более жёсткий RAC. Больше всего мне нравятся альбомы Коловрат, Сокира Перуна и Whites Load. На мой взгляд эта музыка несколько более популярна, чем НСБМ, даже лучше сказать – более подходит для восприятия. Конечно, это вовсе не показатель качества, но в наших условиях борьбы на такие вещи волей-неволей обращаешь внимание. Однако очевидно, что Oi! и RAC также не могут создать действительно мощную пропаганду. Пожалуй, стиль несколько устарел. Но если он и умрёт, то очень не скоро.

Недавно я организовал нео-фолковый проект с моей девушкой Ксеньей. По-моему, получается очень удачно. Я делаю практически всю музыку, а она поёт. Отличный голос! Естественно, лирику сочинял тоже я. Пожалуй, это проект, на который я возлагаю наибольшие надежды. Сегодня вечером должна состояться очередная репетиция, если конечно до этого дойдёт. Иногда мы с Ксеньей предпочитаем заниматься гораздо более приятными вещами, но это не обсуждается... Мягкий и душевный нео-фолк – отличный результат нашего общения. Я думаю, у такой музыки всё ещё впереди, главное – чтобы появилось несколько по настоящему хороших альбомов. И мы попытаемся внести свой вклад.

Существует ещё один стиль, оказавший на меня большое влияние – martial industrial с его яркой эстетикой. Многие проекты с лёгкостью переносят нас в 30-40-е годы прошедшего века, заставляют почувствовать дух героизма, войны, идеи. Однако, именно методы перенесения нас в прошлое – использование всевозможных шумов при сбивчивой структуре композиции, обрывки классических оперных произведений и речей ораторов, обрываемые грохотом взрывов, и тому подобное – отнюдь не способствует пониманию многими.

Что нам эти многие? Все эти обыватели, стадо? Ничто. Пробуждаются ведь совсем немногие. Но совершенно очевидно, что надо повести это стадо за собой, чтобы потом совершить над ним алхимическое делание. Чем они сейчас живут, и как это использовать? Я считаю, что раз обыватели всё-таки Русские, а не недочеловеки, то на их поведении сказывается определённая архетипическая духовная составляющая, сколь бы ни забитая, но влияющая даже на их пристрастия в сфере вкусов и предпочтений в культуре, моде и работе. Кроме совсем уж обыдлившихся овце-человеков, конечно, – в них Арийское угасло наверняка. Да, под обывателем я подразумеваю, например, стандартного грёбаного интеллигента, или молодого тусовщика, а не уголовного алкаша. Всё это к тому, что пастух тоже знает, что движет овцами. Он знает это и многое другое. Он живёт этим и многим другим.

Я иногда хожу на модные вечеринки, куда меня приглашают товарищи, не смущающиеся даже моими экстремистскими взглядами. Тусовка происходит под звучание какого-нибудь из популярных ныне стилей клубной музыки: r'n'b, house, trance, break, d'n'b и прочих. Я прихожу только на жёсткую электронику, типа trance, где вообще, по-моему, нет никаких влияний афрокультуры. Жёсткий брейк отдаёт чем-то индустриальным. В мерцании стробоскопов, когда пол уходит из-под ног, и улетаешь в космос, ощущаешь всю суть урбанизма, железобетонного леса, нашей новой среды обитания. Это как шаг в неизбежное будущее. Отсутствие идеологии у всех собирающихся на такие мероприятия лишает действие возможного смысла, только один в футболке Thor Steinar думает о героизме новой урбанистической эпохи, о эстетическом сходстве услышанного с martial industrial, и о возможности совмещения этих двух стилей, адски дополненных фашистским футуристическим манифестом.

Самый последний, самый скрываемый и самый будоражающий мой проект – музыка в стиле NS martial dance electronics. Так я это назвал. Я думаю, ничего подобного больше нет. Конечно, я знаю про ди-джеев с правыми взглядами и жёсткой музыкой, но, к сожалению, ничего такого ещё не слышал. Мне кажется, если умело вывести оригинальный, совершенно новый и соответствующий моменту стиль – он может совершить революцию в определённой среде. При моём естественном тяготении к созданию крайне героического, пафосного и жёсткого электронного стиля, я ощущаю непонятную убеждённость в том, что он будет взрывом в музыкальной культуре, несущим идеи фашизма в массы. Это будет новая классика, пробуждающая обывателей от афро-дегенеративных иллюзий. Новая эстетика, наконец-то совмещающая общепризнанную популярность и крайний экстремизм.

Я экспериментирую уже три месяца. Эксперименты, эксперименты... Я довольно мало слушал транс, техно и всего подобного. Я просто не хочу попадать под какие-либо влияния, чтобы моя музыка была максимально естественной. Достаточно только быть в курсе того, что уже достигнуто. А дальше эксперименты. Сначала надо отказаться от стереотипов и быть естественным. Я хочу быть проводником энергии Богов, воплощая её в самой актуальной форме. Эксперименты... В форме, которую я чувствую очень хорошо...

3. Достигающий цели

(от лица Николая)

«Синее небо, редкие облака, невыносимая жара, душная улица, транспорт на пыльной

дороге, пьяницы прячутся в тени задворков, редкие люди идут, истекая потом и мечтая о зиме, солнце слепит глаза. Он идёт, ощущая верчение земного шара под ногами, думая о Космосе, не замечая жары, ибо ему холодно, его мысли отдают морозом по коже. Ему нет дела до знойной суеты обывателей, он просто передвигается в пространстве, направляясь к намеченной цели. Он заходит в дом, поднимается по лестнице во тьме и холоде, идёт по коридору, скрипя старым паркетом, мимо офисных кабинетов, где общечеловеки тяжело сидят перед вентиляторами, мимо зловонных туалетов, мимо мелочной суеты и отупения. Он подходит к железной двери и открывает её, заходит тихо, но двое, находящиеся там, уже смотрят на него. Он достаёт пистолет из под пиджака, который он надел, несмотря на жару, и направляет на них. Палец нажимает на курок, приводя в действие механизм, вызывая воспламенение пороха, и вот пуля вылетает из ствола. В этот момент те двое только ещё успели сообразить, что происходит. А пуля уже летит, всё ближе и ближе, но ни один из них не видит её, они неподвижны, и тяжёлая мысль переливается в их туманных головах. Не изменяется почти ничего, кроме положения пули в воздухе, и лишь насекомые видят стремительное движение необъяснимого порождения иных измерений. Пуля соприкасается со лбом одного из присутствующих, продавливает его до тех пор, пока мясо не рвётся, пока кость не проламывается внутрь, и вместе с осколками черепа она прокладывает путь в мякоти мозга, разрушая все устоявшиеся связи, принося неисправимые изменения, в итоге опять проламывает кость и разрывает покрытое волосами мясо, и проделав заключительный рывок в ещё более медленном темпе, она входит в кирпичную стену, принеся вместе с собой части мякоти мозга и мяса, осколки черепа, брызги крови, и остаётся там. Тем временем рука стрелка переводит направление ствола пистолета в сторону второго присутствующего, лицо которого уже исказилось гримасой ужаса, палец повторяет движение, и всё происходит вновь. Два тела с проделанными в их головах тоннелями падают на пол одно за другим, кровь вытекает из мест произошедших изменений, образуя лужи, тела оказываются неспособными производить какие-либо действия, а сосредоточенная в них энергия растекается по окружающему пространству, чтобы через какое-то время сравняться с ним в концентрации. И больше ничего. Больше никто из них не скажет «Я». А стрелок выходит из комнаты, проделывает тот же путь в обратном направлении и выходит на улицу, вскоре оказываясь далеко от места произошедшего. Забудь о нём, ибо не он нам важен, и не его жертвы, но пули, прожившие на наших глазах всю свою жизнь, причём именно так, как было задумано пославшим их. Это пули убийцы, в чём состоит их принципиальное отличие от пуль, не достигнувших намеченной цели, от пуль, запущенных в небо по случаю какого-то события. Смысл существования пули – убийство.

А тем временем, пока ты сидишь на диване и читаешь эти строки, всё ближе к границе с реальностью подступает боевой авангард Высокого, ибо Битва близка, гораздо ближе, чем ты думаешь. Оттуда, где Фюрер на белом коне возглавляет бесчисленное войско Эйнхериев, вылетает огненный дракон, прорываясь в проявленный мир, и раскаляя атмосферу, он снижается к нашей чающейся смрадом планете. Его рёв – это вой проносающегося бомбардировщика, вызывающий непостижимую тоску в сердцах многих, и заставляющий прозревших Сынов Севера обратить ясные взоры в синеву неба и салютовать открытой ладонью Кресту Победы на его крыле. Глазами Ворона смотрит он на землю, отмечая слившиеся в любви пары и видя достойных. В момент Рождения Жизни касается он чёрным крылом, заранее предначертав судьбу будущего Героя. Убийцы.

Теперь ты в полной мере задействован в Борьбе, сам не зная о истинных причинах этого. Ты пройдёшь весь путь. Если конечно это о тебе. Если ты не один из никчёмных обывателей, чья жизнь проходит впустую. Если Фюрер смотрит на тебя, ведь он видит каждого воина из его Войска. Если ты живёшь как Герой.

Ты уже знаешь, что надо делать.

ТОЛЬКО ДЕЙСТВИЕ ВОЗВЫШАЕТ.»

Я откладываю листок бумаги, только что исписанный этим текстом. Что ж, вроде идея

хорошая, помещу эту статью в газету. В принципе я стараюсь помещать в издания более близкие к реальности тексты, но иногда не удерживаюсь от несколько эзотерических тем. Сам я большой любитель философских текстов, но давно уже понял, что здесь надо знать меру. Важно больше затрагивать суровую реальность, ведь мы живём и боремся именно в ней.

Некоторые думают, что я занимаюсь только писаниной. Но я и не собираюсь никого разубеждать в этом. Я не участвую в уличных драках, потому что я не хочу рисковать из-за какого-нибудь грязного чурки. На них и без меня хватает любителей поохотиться.

Я собираюсь на встречу с антифой, или, как они сами себя называют, анархо-коммунистами. Они думают, что я свой, потому что я сам представился сочувствующим, когда общался на их форуме. Я кое-что знаю о их идеологии, достаточно было прочитать статьи на их сайте, также я высказал несколько идей, показавшихся им интересными, которые в принципе применимы практически в любом революционном движении, и Русскими НС уже используются. Естественно, я вовсе не собираюсь помогать им в чём-либо вообще, просто сейчас нужно войти к ним в доверие, чтобы потом их убить.

Я не считаю антифу Русскими. Я не считаю обывателей Русскими. Они лишь потенциально Русские, но до тех пор, пока они не готовы сражаться за Русь, они – россияне. Общечеловеки. Масса, которой можно пренебречь в борьбе, как это говорят, лес рубят – щепки летят. Только твой соратник национал-социалист – Русский.

Антифу надо убить. Не так давно мы обратили внимание на отнюдь не случайное усиление активности антифашистов. Конечно, наши усилия, связанные с пропагандой Правых идей и их воплощением, не могли оставить равнодушной Систему. И тогда стали как грибы после дождя появляться мобы антифа, подбадриваемые еврейской пропагандой, а иногда и деньгами, стали проводиться антифа мероприятия и концерты, стали распространяться отнюдь не паршивые как раньше журнальчики, где обязательно присутствует изображение фигурки, выбрасывающей свастику в корзину, и интервьюируются дегенеративные панки, которым скины когда-то сломали гитару об голову. В Москве несколько Правых скинхэдов были забиты насмерть толпой антифозников. У нас такого ещё нет, но чувствуется, что кто-то постарается и тут. Недавно было принято негласное согласие почти всех местных НС приложить все усилия в первую очередь на уничтожение антифа, пока их не много, так что этой зимой наш главный враг – антифашист.

Я выхожу на улицу. Солнечный морозный день, пожалуй надо было одеть дублёнку, но я надел пальто. Как-то оно более соответствует настроению, к тому же можно поднять высокий воротник. Холодно. Полчаса на автобусе, и я подхожу к общежитию. Один из них живёт в этой общаге, и сегодня здесь встреча. Я прохожу в ту комнату, о которой мне сообщили, и оказываюсь в компании трёх парней лет двадцати или чуть больше. Вроде с расовой чистотой у них всё в порядке, хотя вскоре замечаю неприглядные подробности, указывающие на вырождение – мутные глаза и гнилые зубы у одного, другой очень сутулый и тощий, третий же при нормальной внешности уродует себя диким панковским прикидом, включая протыкание щеки булавкой, стрёмный красный ирокез и грязные рваные шмотки, что в совокупности указывает на духовную деградацию. Пожалуй, я несколько странно выгляжу в их компании, и думаю, как бы они сразу чего-нибудь не заподозрили. Пока вроде всё нормально. Я пожимаю всем руки.

– Привет, я Максим.

Имя естественно соврал. Они и вовсе назвались погонялами.

– Я Антибиотик, – говорит панк.

– Косуха, – это сутулый.

– А я Лысый. Это сейчас волосы отросли, а раньше я бритый был. Наверное, я первый рэдскин в городе!

– О, круто! – говорю я. – Ну чё, вот я пивка принёс.

Я достаю из пакета две полторашки. У них на столе тоже стоят несколько бутылок.

– Круто, чувак! Побухаем! У тебя травы нет случаем?

– Нет. Я не курю вообще-то.

– А... Ну нам скоро должны принести, если не обломаешься, можешь с нами дунуть. Ваше отличная штука, крышу сносит с двух затяжек!

– Ну, посмотрим...

Я пока разливаю пиво. Чувствую себя не в своей тарелке, так что похоже лучше выпить, хоть я в принципе почти и не пью.

– Так откуда ты, чувак? – спрашивает Антибиотик.

Я вспоминаю, что я там писал на форуме, и повторяю совершенно левые истории о своей жизни. Левым – левое, это правильно! Разговор идёт в основном о зле системы, причём с очень примитивных позиций, о злых фашистах, причём без малейшего чувства своего превосходства над ними, пусть и ложного, о новых антифозных альбомах, причём я ни одного не слышал, о пьянках и блевотине, о девках, которые не дают, о Че Геваре, про которого никто почти ничего не знает, о последнем концерте и избитых скинами музыкантах, о том, что лето лучше, потому что можно бухать на улице весь день, о том, какой эффект бывает от конопли, о желании создать антифозный журнал, о том, как набашить скинам и гопникам, и о прочем дерьме. Через час у меня уже было сильное желание убежать оттуда, но я помню, что цель другая. Я немного опьянел с непривычки и надеюсь, что это не скажется на моих физических способностях. Они все спьянели гораздо сильнее, потому что пили больше. Я обратил внимание на то, что все они по очереди зачастили в туалет сливать выпитое пиво, и понял, что это хорошая возможность, которую нельзя упускать.

Когда хуило с гнилыми зубами в очередной раз ушёл в туалет, я встал, делая вид, что просто разминаю тело. Я подошёл к окну, на секунду посмотрел вниз, в это время уже сжимая в руке кастет и наполняясь ненавистью. Искра общечеловеческой нерешительности не успевает разгореться, сбита двумя молниями Sieg-рун. Именно я говорил всем эту фразу:

СЕГОДНЯ НЕ НАДО НИКОГО БИТЬ. НУЖНО УБИВАТЬ!

Когда сутулый отвернулся, я сделал шаг к панку и со всей силы ударил кастетом ему в висок. Наверное, тонкая височная кость сразу проломилась, и её осколки вошли в мозг. Панк упал сразу, слетев с табуретки, и его тело оказалось между мной и сутулым. Когда я перепрыгивал через него, сутулый успел что-то крикнуть, но я ударил ему снизу по челюсти. Когда он опрокидывался назад, у него изо рта хлынула кровь. Прыгнув на него сверху, я нанёс несколько мощных ударов кастетом по его голове, пока не пришла уверенность, что он мёртв. Взглянув на два трупа, я подумал, что в этом есть что-то знакомое, но времени размышлять не было. Я подошёл к двери туалета за секунду до того, как она открылась. Я ударил этого урода ботинком в грудь, и он отлетел назад, ударившись об унитаз. Я завершил его жизнь добиванием в голову. Это самый надёжный способ при хорошо поставленном ударе. Иначе пришлось бы, возможно, резать ножом, оставляя лужи крови, или душить, что отнимает время.

Одеваю пальто. Надо протереть вещи, которые я трогал, чтобы не осталось отпечатков. Слышу голоса в коридоре. Три трупа рядом со мной. Голоса называют клички трупов, уже бывшие клички. Дверь не заперта. Где же ключ?!! Бля, его нигде нет!!!

Что было?...

Когда дверь открывается, я стою, с трудом сдерживая панику. Девушка и три парня. Стрёмный панковский прикид.

– Сюда нельзя типа... – говорю я.

Типа... Я никогда не употреблял это слово.

– Они спят, – говорю я.

Девушка протискивается мимо меня, за ней идут и парни. Я вдруг понимаю, что они под наркотой.

– Я пришёл тоже, а они спят, вот и решил их не тревожить, – говорю.

Они видят, как двое лежат на одной кровати. За те секунды, что были у меня, я сделал, что успел. Двое на кровати.

Пришедшие тупо смотрят на лежащих. Девка подходит к ним с другого бока и обнаруживает третье тело, лежащее под кроватью.

– Ого, да они просто убитые! Это надо же так накуриться! А Косой даж под кровать залез, ха-ха-ха!!!

Все хихикают, а я обливаюсь потом. Трупы я умудрился положить так, что травм не видно. Лежащий под кроватью повёрнут окровавленным лицом к стенке, а брызги крови на ковре не очень заметны. Лежащие на кровати уткнулись раздробленными висками в подушку. Их позы очень странны. Но разве просто отличить в усмерть пьяного или обдолбанного от мёртвого, тем более, если ты сам неадекватен?

– Слуште, а можт разбудим их? – спрашивает один из пришедших.

Я теперь крайний к двери, и я спокойным шагом иду к ней, ничего не говоря. Всего несколько шагов, которые кажутся километрами, один тяжелейший шаг за дверь, и я бегу, что есть мочи, так, как не бегал уже много лет. Мне уже всё равно, что происходит в той комнате, всё равно, что подумал вахтёр, увидев столь отчаянную пробежку по вестибюлю, всё равно, что там остались отпечатки моих пальцев. Морозный воздух жжёт лёгкие, а я бегу и думаю, что я мудака, раз не предусмотрел такой возможности. Думаю, что я бегу медленно и не шифруюсь, и всё это из-за алкоголя, но по другому сейчас всё равно не получится. Бегу, жалея, что не изучил заранее местность, ведь так как я часто сворачиваю, есть возможность, что я вернусь на то же место... Впрочем не такой же я дурак!

Всё, паника прекращается. Война ещё впереди.

4. Террорист

(от лица Михаила)

Смотри и запоминай. Это рецепт. И слушай внимательно и не переспрашивай! Я сегодня злой!

Я беру из кладовки одну из многочисленных бутылок ацетона. Ацетон ты можешь купить в хозмаге. Кроме того, для чего ты его купишь, его можно использовать как растворитель для нитрокрасок или для удаления пятен. Он имеет специфический, достаточно стрёмный запах, горюч и растворим в воде. Ещё я беру банку с серной кислотой. Если ты учишься в школе, попробуй спиздить её в кабинете химии. Я же покупаю её в автомастерской, где меняют электролит в аккумуляторах. Нужна концентрированная кислота! И без примесей! И ещё я беру несколько маленьких бутылочек перекиси водорода. Ну тебе ведь промывали ей боевые раны? Само собой, продаётся она в аптеке. Нужна концентрация не менее пятнадцати процентов. И заметь, всё совершенно чистое, иначе нихуя не получится!

Вот я принёс всё это на кухню. Смешиваю кислоту и перекись водорода в равных долях, и смесь тут же становится горячей. Приходится ждать, пока остынет. В это время я думаю. Депрессивно. Столько всего за последние дни! Да ладно там с учёбой напряжённо, так вчера вот с братом поругался, а сегодня прям с утра вообще офигеть чего было!

А, смесь-то остыла, я её под струю холодной воды ставил даже. Потом в эту смесь доливаю ацетон, причём, как ты видишь, его столько же, сколько и смеси. Всё это я несу в кладовку и ставлю там на пол. Там же стоит другая такая же ёмкость, которую я беру. Вчера там была точно такая же тройная смесь, а сегодня на дно выпал обильный белый осадок. Нет, это не снег, у нас же крыша над головой! Всё это я фильтрую через хлопчатобумажную ткань, и только ради осадка! Ох и заёбывает этот процесс! И это не всё. Осадок я скручиваю в тряпке и промываю под холодной водой. Пробую на вкус – нет, ещё надо промывать, кисловат! Да не бойся, не отравлюсь, я ж не дурак какой-нибудь, чтобы яды пробовать! Промываю ещё и пробую. Вот теперь нормально, не кислый. Вываливаю осадок на дощечку и отношу под кровать. Там же лежит другая такая же дощечка, которую я беру. На ней

высохший осадок, белое вещество, похожее на муку. Его пересыпаю в коробку. Осторожно, не надо ударять. И не вздумай тут закурить! Это взрывчатое вещество. Чтобы добиться большей взрывной силы, потом я пластифицирую его, сначала надо накопить желаемый объём.

Ты конечно уже понял, что готовится бомба. На самом деле хочется взорвать что-нибудь прямо сейчас! Хочется много взрывов. Не подумай, что я изменил себе, я всё так же готов бить бутылки об головы негров, работать ботинками и кастетом, но... ВРЕМЯ ПРИШЛО! Решайся на максимально разрушительные и опасные действия прямо сейчас, или ты потеряешь такую возможность вообще!

Знаешь, очень напрягает знать, что твоя квартира может разлететься во все стороны из-за какой-нибудь случайности. И вообще всё напрягает! Кстати, твоя квартира может разлететься, если нажравшийся сосед забудет закрыть газ. Если чеченскому террористу понравится именно твой дом. Если спецслужбы решат, что так надо. Если твой сосед фашист будет неосторожен. Не боишься ли ты сидеть дома?

Вчера мой брат попросил забрать его сына из детского садика. Это мой племянник Данилка, ему ещё четыре года. Брат и его жена были дико заняты, а мне даже в удовольствие сходить в детсад за племянником. В этот детсад когда-то ходил и я. Выйдя из дома я встретил пьяного Саню, который согласился пройтись со мной. По дороге взяли пива. Вообще спешить было некуда, я вышел заранее, мы даже покатались с большой горки, орали как психи, настроение было отличное. Потом в ларьке рядом с детсадом взяли ещё по бутылке. Ты же не думаешь, что мне что-то будет с двух бутылок? И прямо перед дверями детсада я ощутил во рту вместе с пивом нечто постороннее. Сначала даже подумал, что это кусок зуба откололся, у меня такое бывает после того, как твёрдый череп гопника врезался в мою челюсть во время зверского месилова. Я сплюнул на ладонь и увидел хитиновый фрагмент жука.

– Блядь! Какого хуя это такое?! Пиздец, да ты посмотри, там дохуя мусора плавает! Ахуеть! Я думал, что только «Балтика» дерьмо, так и это ещё! Пиздец! Пойдём-ка, разберёмся нах, чё это нам продают! У тебя нету? Вот уроды!

Мы ринулись обратно к ларьку, и я заорал в окошечко:

– Что это вы такое нах продаёте?! Да там мусор плавает, жуки всякие!

– Эй, что такое? – с характерным акцентом спрашивает голос из ларька.

Рядом с русской продавщицей сидит цунареф.

– Эй, ты, выйди-ка сюда! – говорю я.

– Что надо?

– Выйди, я тебе говорю! Поговорить надо!

– Говори так, я слушаю.

– Бля, я тебе говорю выйди, значит выходи, сука! Я чё, повторять должен?! Тебя чё, убить что-ли?

Тут заорала продавщица.

– Эй, а ну пошли отсюда! Щас милицию вызову!

Эта дура нажала где-то кнопку, и взвыла сирена. Возможно, кроме сирены ничего и не было, никакого сигнала мусорам, но деморализующий эффект был достигнут. Я кинул бутылку в витрину, которая в результате разбилась, и мы побежали. Всё бы ничего, но это прямо с детским садиком рядом, а мне ещё Данилку забирать.

– Бля, да я ещё вернусь к этим уродам! Да я взорву этот грёбанный ларёк! Нет, хватит с них и коктейля Молотова! Этот цунар сгорит заживо!

Мы забежали за здание детсада, тщательно осмотрели бутылку Сани, и решили допить его пиво совместно. У него было другое пиво. Увидели на лавочке двух девушек, и я естественно решил подойти.

– Привет, девчонки! Мы знакомы?

– Нет, не знакомы, – говорит одна.

– А откуда же я вас знаю?

– Мы не знакомы, – говорит другая.

– Ну значит я вас просто где-то видел. А хотите с нами пивка попить? Да не, у нас не одна бутылка. То есть мы сейчас ещё купим. Сань, сходи, а? Я тебе деньги потом отдам.

Девчонки явно заинтересовались. Им лет по семнадцать, это в принципе нормально. Школьницы, наверное.

– А может водочки? – спрашивает Саня.

– Нет, мы водку не пьём, – почти синхронно сказали девушки.

Бля, Саня как всегда с любимой темой! Иди давай за пивом!

– Кстати, девчонки, знайте, что надо покупать вон в том магазине, но ни в коем случае ни в том ларьке! Да там уроды работают! Слушайте, а давайте на веранду перейдём, а то нас снегом засыпает.

По пути на веранду я наконец-то додумался представиться и спросить, как их зовут. Вскоре подошёл Саня с пивом. Разговаривали, пили, смеялись. И только потом я вспомнил.

– Ой блин! Чё я забыл-то! Саня, ты что ж мне не напоминаешь?! Ёп, уже час прошёл!

Я пошёл за Данилкой, увёл с собой и Саню, который едва стоял на ногах. У одной из девушек, конечно же взял номер телефона. Воспитательница сидела с одним лишь Данилкой, и при виде нас сделала недовольное лицо.

– Да вы же пьяны! Я не доверю вам ребёнка!

– Нееееет! Это Саня пьян, а я трезв! Вы же меня знаете! Да всё будет хорошо!

После долгой нравоучительной беседы, помимо которой она ещё и надевала на Данилку верхнюю одежду, а мы сидели на детских стульчиках (Саня так и вовсе положив свою голову на колени), мы наконец-то ушли с чувством облегчения. Но пока мы шли, воспитательница успела позвонить брату и пожаловалась на меня. Потом был ещё напряжённый разговор с братом. Ему конечно пофиг, чем я занимаюсь, но тут ведь ребёнок был! В общем, я понимаю, что он был прав, а я зря на него бычил, и теперь очень даже неприятно. Очень.

Понятно, что во всём виноват хачик. А во всём вообще – жида.

В домашних условиях хороший детонатор изготовить даже сложнее, чем саму бомбу. Считается, что девяносто процентов несрабатывания бомб и самоподрыва связано именно с детонатором. Удели ему особое внимание! По сути это даже не детонатор, а запал, ведь для того, чтобы изготовленная мной штука ебанула, достаточно просто огня. Я могу сам сделать подобие бикфордова шнура, даже два разных варианта, но такая тема меня всегда обламывала. Поджечь и бежать! Нет, это как-то несерьёзно.

Возьми лампочку из карманного фонаря. Разбей её так, чтобы не повредить спираль. Обмажь спираль горючим клеем – запал готов! Достаточно напряжения в полтора вольта от пальчиковой батарейки, для того, чтобы спираль вспыхнула на воздухе и подожгла обмазку. Можно соединить всё это с электронными часами, с пейджером, с сотовым телефоном. Но прежде чем вставлять этот запал в бомбу, поэкспериментируй!

Когда ты соединяешь электрический запал с взрывчатым веществом, это очень напрягает. А если ты думаешь о своей жизни в этот момент, то напрягаешься ещё больше. О том, что надо жить...

Ира пришла ко мне сегодня утром. Я сразу понял, что что-то не так. Без всяких вступлений она сказала, что беременна от меня, и стала вопросительно смотреть на меня.

– А... Да?... Ну... это круто... Да. А ты сама чего думаешь?

– Миш, конечно я рада. Я надеялась, что ты отнесёшься к этому с пониманием. Конечно, я вижу, что ты шокирован, но я же знаю, что ты хотел этого!

– А... Ну это... Типа того... Да... А что делать будем?

Я вообще охуел! Я конечно её люблю, но о детях я не думал вообще! Когда тебе двадцать лет, и ты ещё студент, да к тому же ведёшь совершенно не семейный образ жизни, становиться отцом как-то не хочется.

– Я думаю, ты должен жениться на мне, – говорит она.

– Да?... Слушай, зайка, я рад вообще-то. Но мне подумать надо. Не, жениться-то – это

само собой! Я о деталях подумать хочу.

Когда она ушла после долгих разговоров и объятий, я хотел взорвать самого себя. Потом вспомнил, для чего нужна взрывчатка. Вспомнил четырнадцать слов. Вспомнил о демографическом кризисе. Вспомнил о моей ненависти к абортам. Вспомнил прекрасные лица Русских детей. Вспомнил чурбанских детёнышей, которых всё больше, и которым возможно некому будет противостоять в будущем. Вспомнил об идеале Арийского мужика – суровом воине и труженике, отце большого семейства. Всё, детство закончилось! Пиздец!

Я хочу, чтобы мой ребёнок жил в лучшем мире!

То, что я делаю, можно использовать как бомбу, но мы решили использовать её в качестве детонирующей шашки. Моя бомба не уступает по мощности тротиловой такого же веса. Она обладает одним достоинством: она не обнаруживается специально тренированными собаками. Объяснение простое: практически все промышленные взрывчатые вещества изготовлены на основе нитросоединений, на запахи которых и натасканы собаки. Моя же взрывчатка пахнет ацетоном и уксусом и легко маскируется. Но для нас этот факт пока не имеет значения. Аммонал привлекает внимание собак, но его гораздо проще делать, и он не менее мощный. Аммонал взрывается только при помощи другого взрыва, причём существует минимальный объём аммонала, который удастся сдетонировать – несколько килограммов. А такой объём может использоваться только для довольно крупных диверсий.

Взорвать синагогу, взорвать мечеть, взорвать рынок, взорвать клуб, где тусуют недочеловеки, взорвать еврейскую гимназию, взорвать милицейский участок, взорвать дом продажного правительства, взорвать антифозный концерт, взорвать общежитие для студентов из жарких стран, взорвать жидовский торговый центр, взорвать стройку, кишашую таджикскими рабочими, взорвать цыганский наркопритон, взорвать американский банк, уводящий наши деньги, взорвать публичный дом, взорвать съезд антирусской партии демократов, взорвать шахидок, которые хотят взорвать тебя, взорвать фабрику, загрязняющую природу, взорвать посетившего наш город президента Россиянии, взорвать сознание обывателя...

На соседней улице есть ещё один домик, напичканный взрывчаткой, хотя вероятность взрыва там практически отсутствует. Эти парни закупили в хозмаге аммиачной селитры, сразу несколько мешков. Можно удобрить громадное поле, если использовать это по назначению. Также они запаслись древесным углём, счищали недогоревшие головёшки из костров, которые, кстати, в городской местности не так просто найти. Жгли и сами... И наконец, они спёрли со стройки алюминиевую пудру. Её там смешивают с олифой, чтобы окрашивать столбы и крыши.

Надо смешать примерно семьдесят пять процентов селитры, двадцать процентов угля и пять процентов алюминиевой пудры. Все вещества тщательно просушены заранее, измельчены и перемешаны. Это и есть аммонал. Его качество прямо зависит от степени измельчения и однородности смеси. К этой смеси добавляют процентов пять от её массы солянки, помещают её в большую кастрюлю с крышкой, меньшей по размеру. Крышка здесь – как поршень. Его необходимо сжать. Насыпают в кастрюлю немного смеси, накрывают крышкой и хуячат сверху кувалдой. И ещё, и ещё. Не бойся, не ебанёт. Для детонации необходимы гораздо более суровые условия. Ну, в принципе, можно не кувалдой, а сжать в тисках или домкратом. В результате получается цилиндр, спрессованный настолько, что он не раскалывается при ударе об асфальт при падении с высоты твоего роста.

В центре этого цилиндра будет проделан канал, куда будет вставлена моя детонирующая шашка. Она тоже должна быть очень мощной, иначе аммонал не сдетонирует, а просто разлетится на куски. Поэтому стараюсь. Бомба ждёт.

Взорвать систему...

5. Тусовщик

(от лица Олега)

Я выхожу из автобуса на площади. Дальше надо ехать на другом или идти пешком, что более вероятно в такое время. Полдвенадцатого ночи. Мороз, ветер, звон звёзд в темноте. А на мне достаточно лёгкая одежда, потому что день предполагал активные движения. Но я не из тех, кто боится холода. И уж точно единственный в только что разошедшемся море, кто не идёт домой, а собирается гулять дальше. Гулять после убийства. А что, у меня есть уверенность, что всё сделано без палева, так почему бы и нет?

Сегодня была забита целая музыкальная группа, играющая в стиле grindcore. Мы ворвались на их репетиционную точку с кусками арматуры, топорами (это новая мода такая – носить топор), ножами и подобными аргументами. Всё было сделано в одну минуту. Три музыканта и три их товарища, которые были такими же уродами, были превращены в безобразные куски мяса, сочащиеся кровью и мозгами из глубоких дыр различной величины. Весь пол был залит кровью, потом мы долго оттирали подошвы о снег. В общем, всё в лучших традициях их же собственных грайндкоровских песен. Но пели они не только про мясо и говно, но также совались в политику. «Мочи нациков» и всё такое. Когда они разводили антифашизм со сцены, то вряд ли думали, что на их концерт death metal и grindcore групп от нечего делать может зайти НС музыкант. Я вообще-то нормально отношусь к музыкальной стороне групп таких стилей, но когда кто-то начинает гавкать откровенно антирусские идеи, что у них порой случается, то и я думаю уже не о музыке.

Вообще тенденцию антифашизма в грайнде заложили говноеды Napalm Death, которые и считаются родоначальниками стиля. Конечно, и здесь встречаются Правые группы, но уродов гораздо больше. Я не понимаю, почему московские соратники до сих пор не убили антифозных говноедов из Not like most records. Надеюсь, наши действия подтолкнут их к этому.

После подобных акций парни обычно сразу едут домой, чтобы снять нервное и физическое напряжение. Лежат в ванной, пьют пиво и слушают баллады или фолк, проводят время с девушками, ну кто как... зависит от конкретного человека. Я иду домой, только если что-то проходит не так, когда боюсь, что попаду в розыск. А сегодня пятница, по пятницам я обычно хожу в клуб. И акция прошла отлично. Поэтому я иду в клуб, и надеюсь, что мелькающие в свете стробоскопов девушки вытеснят из головы до сих пор стоящие перед глазами обезображенные трупы.

У клуба я встречаю Никитоса и Масела, это постоянные тусовщики, но нормальные парни, в будние дни бытовые националисты, сетующие за бутылкой пива на хачиков, но никогда сами бы не пошедшие на агрессию. Здесь же об этом даже вспоминать бесполезно – все их мысли о девушках.

– Олег, пошли вон во дворике нашу водку допьём, а то ведь в клуб не пронесу, – говорит Никитос.

Мы доходим до лавочки во дворике у клуба, и Никитос достаёт из внутреннего кармана куртки литровину водки.

– Ого! Да мы же нажрёмся!

– Ни чё! Здесь всего-то чуть больше половины осталось.

– А есть чем закусить?

– Нету.

– Бля, придётся рукавом занюхивать!

– Вон, снег хавай.

– Ага, бля, с собачей мочой что-ли?

– Ладно, держи стакан.

Он разливает в пластиковые стаканчики и мы пьём. Холодная водка проходит хорошо.

– Блин, на голодный желудок стрёмно как-то, – говорю я.

– Да у нас та же тема. Может до пиццерии сходим? – говорит Масел.

– Ну её на хуй! Я там неделю назад одному мудаку морду разбил, так что теперь вдруг меня узнают? Не хочу там появляться.

– Да, Олег, остались ли хоть заведения, где ты чё-нибудь не натворил?

– Ну, есть одна пивная.

– А, это где бритые что ли? Ну понятно, там все такие значит, ха-ха!

– Какие ещё такие? – говорю я, трясаясь от холода. – Там все совершенно адекватные, это вообще самое спокойное место! Ладно, наливай по второй!

Мы выпиваем ещё. Наконец-то я почувствовал прилив тепла. Побыстрее бы в клуб, но водки ещё на пару раз. Со стороны клуба во двор заходят шесть парней в рэперской одежде и, сгрудившись в кружок, начинают раскуривать марихуану. Никитос и Масел только скривили рты и решили не обращать внимания. Вообще-то такую сцену здесь можно наблюдать каждую ночь, просто мы обычно не покидаем помещения клуба. Табак внутри курить можно, а марихуану нельзя. Лично я и табак запретил бы. На самом деле я прекрасно знаю всю ситуацию с наркотой в клубе. Ещё два года назад план там не курил почти никто. На редких курильщиков наркоты не обращали внимания. Год назад в клубе курили уже почти все! Как такое получилось, я до сих пор не понимаю, но похоже, что виноваты в этом рэпаки. С моей подачи и при содействии серьёзных людей марихуану в клубе курить запретили. И пришлось любителям раскуриваться выходить на улицу. Порой, когда выходила большая компания откровенных дегенератов, на улице их встречала компания злых скинхэдов. Это поубавило желания выходить у многих. Однако есть ещё отчаянные головы, любители побегать. А морозной зимней ночью и скинов на улицах поменьше. Вот и припёрлись опять.

– Бля, чё они приходят на техно вечеринки, им чё, рэперских не хватает?

– Да ладно, Олег, хуй с ними...

– На самом деле хуй!

Мы выпили ещё, и ещё, прошли мимо ржущей компании и зашли в клуб. Масел как всегда пытается пройти на халяву. Иногда у него получается, например, заверив в своём отношении к информационной поддержке вечеринки, или к распространению билетов. Но на этот раз тема не катит.

– Ну вас же нет в списках! Вот он есть, – строгая тётка указывает на Никитоса.

Он действительно там есть, потому что его магазин сотрудничает с клубом, и Никитос с улыбкой проходит на танцпол. Масел угрюмо идёт к кассе, и мы покупаем билеты. Раздеваемся и проходим. Всё как всегда зимой: полно народу, в центре и на сцене вытанцовывают девушки, соблазнительно крутя попами, постоянные тусовщики заняли все диваны, а новички толпятся у бара. Музыка подхватывает тело, и я по металлической привычке чуть не начинаю трясти головой. Если честно, танцую я только достаточно пьяный. Но не слишком, конечно. В меру. Посмотрим, всё ещё впереди, может и пробьёт. Девушки проходят мимо походками фотомоделей, и на секунду бросают на меня заинтересованный взгляд. Но я не обращаю внимания – сразу ведутся только лохи.

Вот к Маселу пристаёт какая-то малолетка, а её подруга уже улыбается мне. Я узнаю эту улыбку, все начинающие шлюшки её используют, и смеюсь. Девушка думает, что это означает взаимность, и подходит ко мне вплотную.

– Тебя как зовут? – своим телом она слегка касается моего.

– Олег.

– А меня Марина.

Она в солнцезащитных очках, и это меня раздражает.

– Зайка, ты сняла бы очки, а то меня как-то обламывает не видеть твоих глаз.

Она снимает. Зрачки нормальные, значит просто выпендривается. Обычно в клубах тёмные очки носят те, кто употребляет кислоту, чтобы люди не ужасались при виде их глаз. Или вот такие девочки модницы. Она берёт меня за руку, и всё с той же улыбкой заглядывает мне в лицо. Мы оба немного двигаемся как бы в полу-танце. Меня просто двигают нервное возбуждение и адреналиновый приход, нахлынувший час назад во время проламывания

башки антифозника, а также выпитая водка. На счёт аналогичной искренности движений Марины у меня предположений нет. Я держу её руку и думаю, как же обламывает общаться с такими малолетними дурочками. Она конечно симпатична, но моя девушка намного лучше. Жаль, что её здесь нет, она живёт в другом районе.

– А чем ты занимаешься? – спрашивает Марина.

– Э... Да ничем...

Раньше я бы рассказал, что я музыкант, что работаю в крутой фирме, в полушутливой форме сообщил бы, что я фашист. Кстати, я сейчас одет в лучших традициях футбольных хулиганов. Сейчас меня подмывает сказать, что я убийца, но я сдерживаюсь. Вдруг поверит?

– Зайка, я пойду пива попью...

– О, так ты меня угощаешь? Алён, нас угощают пивом! – она уже дёргает за рукав подругу.

Я точно так же дёргаю за рукав Масела и отвожу его в сторону. Видно, что он и сам этому рад.

– Блин, я её почти не помню, а она думает, что я её парень! Мы просто в одной кровати у Кроса неделю назад проснулись, но я тогда нажрался, и не помню даже, ебал ли я её! – ратерянно говорит Масел.

Девушки вопросительно смотрят на нас, я вытаращиваю глаза, изображая психа, потом улыбаюсь, и мы с Маселом уходим к бару. Можно сказать, вежливо их послали подальше.

– Да какие-то они шлюшные, – говорю я.

И думаю, что здесь ведь половина таких. Сидя у бара я осматриваю клуб. Как всегда тусуются небольшие группы нигеров и арабов. Вон две девушки, которые пару месяцев назад так же приставали к нам, сейчас трутся об обезьян. Красивые девушки, но очень глупые. Я стараюсь смотреть без ненависти, но внутри меня происходит расстрел. Я достаю телефон. И самому здесь будет плохо слышно из-за громкой музыки, но зато другие не услышат.

– Вячеслав, привет!

– Здорово, Олег! – слышу я из трубки.

– Как на счёт такси?

Слово «такси» я произношу многозначительно. В это время наблюдаю, как девушка танцует с нигером, откровенно имитируя половой акт. Она трётся об него джинсовой промежностью. Она целует его. Зайка, тебе разве не говорили, что нигер – это плохо?

– Когда? – спрашивает Слава.

– Ну, я думаю, через пару часов.

– В три ночи! Ну ладно, лишний часок в бильярдной посижу.

– Давай. Я тебе позвоню, как только... Всё, пока!

– Пока.

Я не хочу наблюдать расовое смешение нигде! И когда-то этот клуб будет чистым от цветных, их подражателей, наркоманов и шлюх. Я подхожу к ди-джею, посмотреть, как он играет. Это Крос, я его знаю. Толстый детина, иногда носит фанатские шмотки, сам сочиняет рэп, но читает его только по глубокой пьяни. Станный, короче, парень. Рядом стоят обкуренные сноубордисты, кто смотрит на Кроса, кто на девчонок. О, вон знакомая компания на диване.

– А, пивком балуемся?! Можно с вами посидеть?

– Садись, садись, Олег! Пивка?

– Не, я уже хороший... О, бля! – я вскакиваю.

– Олег, ты чё? Нормал ты, чувак...

А я уже быстро иду с мобилой у уха к входу.

– Слав, они неожиданно на выход уже пошли!

– Ага, еду...

Пока нигер и белая шлюха одевались у гардероба, я просто тусил в проходе, вызывая заинтересованные взгляды девочек. Потом парочка вышла, и я вслед за ними, сделав вид, что

вышел подышать-покурить.

Старая модель Ауди цвета «мокрый асфальт» мягко остановилась перед парочкой. Они залезли на заднее сиденье. Машина уехала. Номер 818.

Слава служил в Чечне. Вот кто знает жизнь! Даже если он за вечер выпил бутылку водки, то всё равно без малейших трудностей завалит обоих. Подвезёт, куда надо, там выйдет из машины, нигеру ножом по горлу, и этот же нож метнёт в спину убегающей шлюшке, шуба тут не спасёт. Стандартный сценарий.

Я убедился, что никто не видел, как они садились в машину, и послал Славе сообщение из одного слова: «Да».

Это «Белое такси». Чёрным в него лучше не садиться.

Я возвращаюсь в клуб, на входе показываю печать на руке, означающую, что я заплатил. Настроение поднимается. Я считаю оставшихся недочеловеков. Четыре нигера и три араба. После пары смертей соплеменников они сюда ходить всяко перестанут! За последние полгода обстановка в клубе несколько улучшилась благодаря мне и скинхэдам, теперь ещё Белое такси запущено. Чистые улицы, клубы, спортзалы, университеты. Везде свои Белые надзиратели. Диверсанты.

Когда я уходил из клуба и садился в такси, то улыбнулся, подумав, что хорошо, что таксист Белый. А потом взгрустнул, представив, что если мы допустим, то таксисты будут укуренными дрэдастыми нигерами, давящими Русских детей и разбивающимися вместе с пассажирами. Нет уж, на хуй! Везде и всё будет только Белым, включая и такси!

White Power!

6. Миссия обречённых

(от лица Дмитрия)

Прошлой ночью мне приснился очень странный сон, как будто мы с Джином попали в совершенно другой мир. То есть всё вроде было как обычно: те же улицы, люди говорят на том же языке, но что-то неуловимое было совершенно иначе, а что – понять мы не могли. Так как у нас не оказалось ни рубля денег, то мы решили ограбить газетный ларёк и прочитать новости, чтобы узнать, что же творится в этом мире. Но когда я пролез в разбитую витрину ларька, то почему-то взял не новостные газеты, а фанатские и всякого рода WP журналы с кельтскими крестами на обложках. Разглядывая их чуть позже в соседнем дворе, мы поняли, что узнать из них можно всё, что угодно, кроме текущего состояния дел в мире. Дальше была какая-то драка, а потом я проснулся от звонка.

По телефону меня вызывали в Москву, в штаб партии. Зачем – я даже не догадываюсь, было сказано: «Дело особой секретности». До этого, в течение всего года с тех пор, как я в последний раз был в Москве на утверждении меня главой местного отделения, все распоряжения сообщались мне через письма или по телефону. Просто они и не содержали ничего особенного. Всё особенное и так было понятно. Наши разговоры ничем не отличались от миллионов бытовых разговоров, но содержали особый смысл. И вот ради этого дела особой секретности я этим утром оказался здесь.

В Москве не было ощущения середины февраля, настолько хмурым, серым и мрачным всё казалось в сравнении с нашим заснеженным белым городом. Ещё мрачнее были глаза, смотревшие на меня через письменный стол; иногда в них появлялся гнев, но большей частью они выражали спокойствие, суровое, как стужа Арктики.

– Устал, Дмитрий? – внезапно спросил вождь партии.

Я, будучи вообще весьма раздражённым из-за того, что меня заставили тащиться в такую даль, да ещё и взбудораженным из-за утреннего происшествия, не выдержал и грубовато ответил:

– Да, да, устал! Бесконечно долго трястись в этом холодном и неудобном поезде, а

потом ещё и бегать по незнакомому городу! Да, я устал! Если бы вы сами побыли в моём положении, когда обстановка вынудила меня целых два часа прятаться на стройке...

В суровом взгляде, нагонявшем страх на многих, а сейчас и на меня, когда я сообразил, что повёл себя глупо, появилось удивление.

– Что ты говоришь?! При чём здесь стройка? Ничего такого не предполагалось.

Я рассказал вождю, как на вокзале на меня наехал какой-то синий отморозок, и даже стал пугать меня раскладным ножичком. Тогда я достал свой нож, который раза в четыре больше, воткнул ему в руку, а затем разрезал ему по диагонали лицо. Потом пришлось бегать от мусоров. Должен признаться, я умышленно растянул рассказ в надежде, что за это время он забудет о моей вспышке.

– Ладно, Дмитрий, – сказал вождь, как только я замолчал. – В первые минуты я решил, что вижу перед собой боевого скинхэда, каких перевидал немало, – хорошего боевого скинхэда, за счёт интеллекта сумевшего, правда, стать ещё и главой регионального отделения нашей партии. Для выполнения задания, которое я имею в виду, в моём списке было три главы отделений, однако то, что ты рассказал, перевешивает чашу весов в твою пользу.

Он впервые улыбнулся краешками губ. Отличный штурмовик, десять лет назад бывший в авангарде зародившегося движения скинхэдов, он прекрасно понимал, как надо общаться с людьми вроде меня.

Вождь откинулся на спинку кресла.

– Об этом задании известно лишь двоим, и я скажу тебе, кто они: я, да главный разведчик партии, и теперь о нём будешь знать и ты. Знал ещё один человек, но его уже нет в живых, об этом позаботились антифашисты. Должен сказать, что исход всей нашей Борьбы может зависеть от успешного выполнения этого задания.

Он позвонил по телефону, и попросил главного разведчика зайти к нам, тот находился где-то рядом. Потом он погрузился в молчание, не сводя с меня внимательного взгляда, словно пытаюсь найти скрытые слабости в выбранном им инструменте.

В кабинет вошёл главный разведчик, парень сурового вида, но с какими-то печальными глазами. Это не помешало ему скользнуть по мне испытующим, острым, как скальпель, взглядом.

– Так это на нём вы остановили свой выбор?

– Вот именно. Расскажи ему всё.

Разведчик присел на стул, закурил и некоторое время смотрел в окно, будто собираясь с мыслями.

– Ты, очевидно, знаешь, что ЗОГ финансирует создание новых антифа мобов, – сказал он.

Я утвердительно кивнул.

– Да, ведь ты и в своём городе уже, наверное, столкнулся с этим. Однако, о последних событиях в Москве, ты конечно, ещё не знаешь, ведь сведения не просачиваются в массы. Хорошо, тогда как практик уличных столкновений скажи мне, что, по-твоему, является двумя основными показателями убойной силы моба?

В его школьном, наставническом тоне я не уловил и намёка на то страшное, что он в действительности имел в виду: когда ты оказываешься с группой карланов, не имеющих даже кастетов, а на тебя несётся вражеский моб здоровенных злобных детин, размахивающих кусками арматуры, и тогда ты понимаешь...

– Боевой опыт и оружие, – ответил я.

– Должен поздравить вас с удачным выбором, – обратился он к вождю. – Очевидно, в их городе не принято тратить время на лишние слова. Всё верно: боевой опыт и оружие. Эти три слова объясняют абсолютно всё. Так вот, антифа намерены найти новое решение проблемы и уже обогнали нас в этом направлении.

Вождь беспокойно пошевелился в кресле. Итоги страшной зимы в Москве и перспективы ещё более страшной весны тяжким грузом давили на него. Утверждали, что

антифа за зиму убили более десяти отличных соратников, и многих покалечили.

– Антифа, видимо, предпочитают прежде всего решить проблему вооружения, – всё также спокойно говорил разведчик. – Они стали с недавних пор использовать огнестрельное оружие, начиная от обрезов, и заканчивая пистолетами.

Я слушал его, онемев от изумления.

– Да вы знаете, – в конце концов не выдержал я, – вы знаете, на что будет способен скинхэд, если дать ему пистолет?!

– Вот именно, – улыбнулся разведчик. – Появление огнестрельного оружия порождает массу новых тактических проблем огромной важности.

Он переглянулся с человеком с ледяным взглядом, сидящим по другую сторону стола.

– Но слушай дальше. Некто профинансировал приобретение спортзала для антифа, где они занимаются подготовкой к самым различным видам столкновений под руководством специалистов, в том числе и чеченских боевиков. Рукопашный бой, способы быстрого убийства, стрельба по мишеням, минирование. Несколько человек учатся обращаться со снайперской винтовкой.

– Неужели это правда?! – вскочил я.

Разведчик взглянул на меня с лёгкой укоризной.

– Почему же нет, вспыльчивый соратник? Это уже реальность. Предстоящей весной по Москве будет рассекать не один афа моб, обученный по данным методам и вооружённый. Уверяю тебя, что нет никаких оснований сомневаться в точности моей информации. Боевой опыт и оружие, как ты сказал...

– Постойте! – вырвалось у меня. – Но ведь тогда у них получается практически безупречный боевой моб!

– Совсем нет. Конечно, это шаг вперёд, но вовсе не абсолютное решение.

– А что, собственно говоря, вы имеете в виду под словом «абсолютное»? – не скрывая иронии спросил я. – Мой моб в случае необходимости вооружается ножами, топорами и железными прутьями. Мы всегда поддерживаем боевое состояние, если долго не находится дельных врагов, можем схлестнуться и с фанатами. Мы очень сплочены, всё-таки уже сколько времени вместе! А у этих антифа... Это просто невероятно!

– У этих антифа, на самом деле, всего лишь улучшенный вариант любого другого моба... например вашего.

– Создайте нам такие условия, и мы пойдём куда угодно, хоть на белый дом! – воскликнул я.

– И всё же, повторяю, такие мобы отнюдь не идеальны. Не сомневаюсь, что со временем, особенно, если найти источники финансирования, мы сможем успешно справляться с ними. Но этим всем чеченским боевикам, или скорее даже жидам, наверняка они придумали, нельзя отказать в фантазии, при том самой извращённой. Они пошли ещё дальше, добиваясь уверенности в своём превосходстве, с целью уничтожить всех национал-социалистов до последнего.

Вождь раздражённо поджал губы:

– Не считай их непобедимыми. Вы просто не знаете, что их ожидает, если они будут нападать не на маленькие группы ничего не подозревающих соратников, а осмелятся встретиться с нашими основными силами.

Должно быть, это было не просто угрозой, ибо вождь считался только с фактами и тщательно взвешивал их, прежде чем сказать что-либо.

– Но зачем вы мне рассказываете всё это? – повернулся я к разведчику.

– А я ещё не закончил, – с некоторым осуждением ответил он. – Как видишь, новые мобы антифа опасны, но и им присущи недостатки психологического плана, свойственные вообще всем мобам. Строго говоря, я назвал бы их скорее хулиганскими мобами, а не боевыми. Это даже несмотря на вооружение. Всё равно они не готовы сражаться до смерти, у них нет идеалов, за которые можно умереть. Если таких придурковатых неудачников, выдав им оружие и научив стрелять, послать на настоящую войну, они там просто обделаются со

страху!

Я вспомнил о своих парнях, о том, в скольких дерби и нападениях на недочеловеков мы испытали и узнали друг друга, приобрели опыт, мысленно сравнил всё это с дьявольскими штуками, о которых только что слышал, и чуть не выругался от ярости и негодования.

– А теперь хочу сообщить тебе о ещё одном антифа мобе, который действительно вызывает у нас серьёзные опасения, – донёсся до меня спокойный голос. – Психологические проблемы... Даже сами жидаы из тех, кто финансирует всё это, до сих пор не верят, что удалось решить и это.

– Это как то есть?!

– Некий Григорий, один из людей, причастных к этим всем делам, собрал моб из закоренелых отморозков в количестве аж тридцати человек и вооружил каждого из них пистолетом. Все они употребляют не так давно созданное наркотическое вещество с особым мощным психотропным эффектом. Что-то подобное встречалось и в древности: считается, что порой берсеркеры перед боем съедали грибы особого рода, чтобы забыть обо всём кроме боя, ощутить прилив сил, не чувствовать боли и усталости. О конкретных свойствах нового вещества нам известно очень мало, но мы знаем, что под ним человек способен долгое время находиться в трансобразном состоянии, до тех пор, пока не поступает сигнал убивать, и тогда он бьётся до тех пор, пока либо не уничтожит всё живое, либо не умрёт сам. Может сражаться в течение нескольких часов! Страх ему не ведом совсем, о смерти он не знает. Силы увеличиваются многократно.

– Невозможно!

– Вот так же, слава Богам, считают и те, кто будет финансировать всё это... Пока. Однако Григорий – человек исключительно способный. Он собрался убедить всех в своей правоте, сколь ни курьёзно это звучит, включая и спецслужбы, которые, естественно, к этому причастны. Да, именно наркотики и настораживают всех, ведь вырабатывать вещество приходится самим, процесс дорогостоящий и довольно рискованный из-за официальных запретов, в общем просто так не хотят связываться. В последнее время ведь с этим сурово. Короче, главные жидаы не доверяют пока, стоит ли спонсировать компанию торчков. Григорий главным образом за свой счёт выработал определённое количество вещества, и уже выпустил своих вооружённых отморозков на улицы. Он убедил спецслужбы прикрыть глаза на возможные инциденты с их участием. Когда они одержат много побед, это конечно убедит заинтересованных лиц выделить деньги. Сначала постараются уничтожить всех НС, затем будут использовать этих уродов для убийства Русского народа во время своей еврейской революции. Григорий, конечно, тоже заинтересован по многим причинам. Жид по матери, кстати.

Вождь встал, подошёл к карте Москвы, висящей на стене.

– Две недели назад семь наших соратников были убиты на улице Новослободской. Одних застрелили, других зарезали ножами. Это огромная потеря для Русского народа и для нашей партии. Молодые активисты... Но меня интересует сейчас лишь один вопрос: были ли они убиты отморозками Григория, или это что-то другое? Нападавшие растворились в окрестностях так же незаметно, как и появились, ни один из многочисленных очевидцев не сказал ничего вразумительного.

– Мы подозреваем, – продолжил рассказ вождя разведчик, – что это и была первая акция этих наркоманов.

Я подумал, что мой моб кажется теперь группой детей, кидающихся снежками.

– Конечно и мы не в игры играем, – сказал вдруг разведчик. – Мы закупили большую партию оружия на чёрном рынке. Беззвучные пистолеты с глушителями, гранаты. Как только наши люди будут вооружены...

Вождь быстро переглянулся с разведчиком, но тот, пожав плечами, продолжал:

– Теперь бессмысленно секретничать. Дмитрий уже знает больше, чем кто-либо. Да и потом, мы же вооружим их, чтобы повисить их шансы на успех.

Последние слова разведчика вызвали во мне волну страха. Неужели они собираются

послать меня и моих парней из провинциального города против этих кровожадных психов?!

– Но не можете же вы... – волнуясь, начал было я.

Вождь резко повернулся:

– Приказываю вам выехать в Москву всем мобом в следующем месяце и уничтожить моб Григория!

Я беспомощно взглянул сначала на одного, потом на другого... Это был приказ покончить жизнь самоубийством.

– Конечно, вы можете отказаться, – мягко сказал вождь, – но в таком случае вы уже не будете частью партии.

– Я объясню, почему именно вы, – торопливо начал разведчик. – В течение многих лет почти все соратники либо попадали к ментам, где их регистрировали, либо засвечивались иным образом. Короче, у нового афа моба имеется база данных многих наших активистов, мы же их в лицо не знаем. Появление даже самого маленького моба наших соратников на улицах теперь чревато нападением на них при совершенно непредсказуемых обстоятельствах! Мы ещё не уведомили никого о новой опасности, чтобы не деморализовать, но антифа могут не заставить себя долго ждать. Никого из вашего моба они не знают, поэтому вы можете оставаться незамеченными, уж на это-то у вас опыта всяко хватит. Постарайтесь опознать их первой, чем они вас, и убейте их!

Мои старшие соратники, стоявшие передо мной, подписывали мне смертный приговор, и я позволил себе дерзко спросить:

– В таком случае, может скажете, где мы сможем найти этих уродов?

Мой тон явно задел обоих, даже в глазах вождя промелькнуло что-то вроде смущения. Однако его следующие слова буквально ошеломили меня.

– Не знаю. Но вам предоставляется полная свобода действий, также мы дадим вам деньги. Вся Москва в вашем распоряжении.

Я растерянно повернулся к разведчику:

– Не сомневаюсь, что вы располагаете некоторыми данными о том, где они ошиваются. Такой немалый моб должен иногда попадать на глаза хоть кому-то. Должны же они где-то тусить, отдыхать...

– Эх, соратник, – печально улыбнулся он, – эти наркоманы не нуждаются в отдыхе. Они могут передвигаться весь день в поисках жертв, и даже могут не питаться и не пить пиво. Последствия они осознают только после окончания действия вещества.

Это конечно жёстко! Некоторое время в кабинете стояло молчание, потом я едва слышно произнёс:

– Коротко говоря, я должен отправиться со своими двадцатью парнями в неизвестный нам громадный город и убить всех отморожков из совершенно неизвестного нам моба, думающих только о пролитии нашей крови, способных биться без усталости, натренированных в стрельбе, и могущих оказаться в любой точке Москвы. Я правильно понял?

– Да, правильно.

Уйти из партии или написать завещание. Вопрос чести.

– Когда в следующем месяце вы прибудете в Москву, а время вам даётся, чтобы подготовиться к долгому здесь пребыванию, мы выдадим вам оружие и деньги. О жилье тоже не беспокойтесь. Наверное, не нужно напоминать, что оружие не должно попасть в руки милиции, и не должна быть установлена ваша связь с нашей партией. При необходимости вы можете вступить в бой и с ментами.

Да, любимая партия предусматривала всё для того, чтобы мы погибли наверняка.

– Итак, если мы столкнёмся с этим мобом, мы будем должны их расстрелять.

– Да, расстрелять. Ну можете топорами зарубить, если вам так удобнее. Потом сообщишь нам. И... никаких телефонных звонков! Зайди потом в штаб и всё расскажешь.

Вождь прошёл к столу и сел.

– Вам выдадут карты Москвы, деньги для передвижений, некоторые инструкции и кое-что ещё. Детали предстоящего дела обдумаете сами. В душе ты не сомневаешься, что я

посылаю тебя на верную гибель, не так ли, Дмитрий?

– Да, это так. Но со мной ещё двадцать парней, которым вероятно тоже предстоит погибнуть, если они решатся на это. Никто из них не боится умереть, но тут ведь вообще нет шансов... Неизбежность смерти, да ещё и в чужом городе, никак не назовёшь приятной перспективой.

– Если уж ты так настроен, не буду говорить «до свидания». Слава Руси! – вождь вскинул вверх правую руку.

– Слава Руси!

Я отсалютовал в ответ и направился к двери. Миссия обречённых...

– Дмитрий, если ты думаешь напиться перед отправлением домой, пожалуйста, – сказал сопровождающий меня разведчик. – до твоего выезда из Москвы рядом с тобой будет наш проверенный соратник. Понятно, что ты и сам можешь постоять за себя, но он будет охранять тебя от... тебя самого. Знаем мы про особенность твоих земляков находить неприятности на свою задницу в любом месте и в любое время...

7. День защитника Отечества

(от лица Николая)

– Приветствую вас, уважаемые радиослушатели. Вы настроились на волну радио «Звёздная Зима». Слушайте нас каждый вторник и четверг в это же время. Сегодня мы в четвёртый раз выходим в эфир, и наша сегодняшняя передача будет посвящена предстоящему завтра митингу, проводящемуся в связи с днём защитника Отечества. Как вы, наверное, уже знаете, мероприятие организовывается лигой молодых антифашистов и поддерживается еврейским культурным центром, а проводится в честь недавно убитых трёх анархо-коммунистов, которые по нашим сведениям на самом деле умерли от передозировки наркотиками. На митинг приглашены всё те же ветераны, которые из года в год рассказывают о «злых фашистских нацистах». Однако непонятно, зачем нам вспоминать о старом, когда Отечество нужно защищать сейчас и сегодня? Очевидно, что нам постоянно напоминают о прошлом, чтобы отвести взгляды от настоящего. А какова же обстановка в настоящем, кто же сегодня защищает Отечество? Кто отбивает посягательства инородцев на свой народ, кто заботится о сохранении культуры своего народа, кто думает о судьбе своего народа? Уж конечно, не эти самые антифашисты и анархо-коммунисты, увлечённые африканской музыкой, гробящие своё здоровье наркотиками и проповедующие теории, ущербность которых показала сама история. Теперь всё иначе, чем шестьдесят лет назад, теперь Отечество защищают те, кого многие привыкли называть фашистами или нацистами. Мы называем их национал-социалистами. Остановить смерть Русской нации и возродить её былое величие, а также добиться социальной справедливости – вот их цели. Кому может быть выгодно выступать против таких целей? Конечно же, врагам Русского народа. Итак, завтрашний митинг организован нашими врагами. Мы призываем всех тех, кому не безразлична судьба его родного народа, его детей и его самого, всех, в ком живы честь и совесть, прийти на этот митинг и помешать его проведению. Активисты Русского национал-социалистического движения приложат все силы, чтобы направить мероприятие в русло, соответствующее нуждам Русского народа, но им нужна ваша поддержка. Приходите завтра на митинг, чтобы отстоять честь Отечества! И помните: умный ходит на митинг, подготовившись к столкновениям. В нашем бандитском государстве можно не сомневаться в предстоящем ментовском беспределе. Но вместе мы победим! Слава Русскому народу!

Я делаю небольшую паузу и говорю в микрофон:

– Вторая часть нашей короткой радиопередачи по уже сложившейся традиции будет музыкальной. Сейчас прозвучат песни Коловрат «Кровь патриотов», Темнозорь «Где небес лазурь разрывает сердца» и Вандал «Наше будущее».

Я даю Олегу знак, и он нажимает на кнопку. Всё, музыка пошла в радиозфир. Ещё в комнате находится Вован, который и сконструировал нашу радиостанцию, сейчас мы находимся в его квартире.

Собственно, слушают нас вероятно только соратники, которых мы оповестили, на какую волну и в какое время настраивать свои приёмники, ну может ещё и случайный радиолобитель. Если кто-нибудь не наступит ментам, мы ещё долго сможем вещать на этой частоте, ведь двадцатиминутную передачу на коротких волнах почти невозможно найти, если не искать специально. Здесь, в комнате, стоит передающая станция, на балконе стоит антенна, ещё одна лёгкая антенна парит высоко в чёрном ночном небе, привязанная к шару с гелием. На крышах нескольких домов в отдалённых кварталах незаметно установлены устройства, передающие наш сигнал ещё дальше. Таким образом, мы охватываем своими волнами весьма неплохой кусок города, но нас слушают ещё и в одном из отдалённых районов, куда сигнал доходит через телефонную сеть, и далее транслируется в эфир через известное устройство. Этой альтернативной радиосетью мы планируем покрыть весь город, и передачи станут более длительными и содержательными. Сейчас мы ещё только приобретаем опыт в этом новом для всех нас деле.

Когда последняя заданная композиция закончилась, мы выключили аппаратуру, убрали антенны и распрощались. Надо ещё подготовиться к завтрашней акции. Про неё и так уже все знают, кому надо, знают что-то и мусора, поэтому шифроваться не имеет особого смысла, и наше обращение по радио было лишь формальностью, которая, впрочем, вполне могла способствовать поднятию чьего-либо боевого духа.

От дома Вована мы с Олегом разошлись в разные стороны, потому что живём в разных микрорайонах. Ходить по моей мрачной и грязной улице ночью всегда не очень приятно, а в тёплое время ещё и рискованно. И сейчас, в конце февраля, несколько потеплело, быдлоиды повылазили на улицу. Мелкая шпана неожиданно разбежалась от остановки, а там взорвалось что-то, раскидав куски горячей толи недалеко от меня. Затем обошёл подалее компанию агрессивной гопоты в псевдорэперском прикиде, и уже во дворе своего дома увидел возящегося в снегу окровавленного рэпера, которого наверное те и забили. А потом скажут «скинхэды». Впрочем, теперь это не существенно...

Это была обычная тревожная ночь, каких бывает немало, и в восемь часов монотонное пиканье будильника поднимает меня в холодной квартире, утро встречает тяжёлым серым небом, грозящим сбросить на нас лавину крупного снега.

Два часа до акции. Согреться горячим душем, поесть, одеться, добраться до места встречи. Делаю всё с точностью до минуты.

...Серьёзные лица соратников, постоянный обмен имеющейся информацией, ожидание сигнала о полной готовности и выход. Со всех прилегающих улиц на площадь высыпали большие группы национал-социалистов, так что на площади стало совсем уж тесно от избытка народа. Одновременность появления НС была скоординирована с помощью раций. Сотовым телефонам такие дела не доверяются. В центре площади уже начались стычки наиболее агрессивной Правой молодёжи с антифашистами. Омона и ментов на площади полно, они держатся вместе группами. Главное – прорваться в центр, к трибуне.

Я сейчас в группе соратников, которые клином пробиваются к центру через толпу обывателей. Впереди клина и по бокам – самые здоровые и агрессивные, постоянно бьют кому-то в лицо, некоторые уже сцепились с мусорами. Но клин расширяется, и на подмогу бьющимся приходят новые бойцы. В центре клина Вован тащит одну из своих радиостанций, которая взята отнюдь не зря, также тут идут те, кто желает пока побережь силы. Примерно пятьдесят человек, мы вскоре оказываемся у трибуны, с которой бритые парни уже согнали всех, кроме разинувших рты, увешанных орденами ветеранов, сидящих на стульях. Я залезаю на трибуну как раз в то время, когда один из наших ораторов, завладев микрофоном, призывает всех сохранять спокойствие и объясняет суть происходящего. Однако с трибуны видно, что на площади отнюдь не спокойно. Почти все НС и сочувствующие уже собрались в центре площади, прикрываясь от ментов группами ничего не понимающих аполитичных

граждан, либо вступая с ними в столкновения. Единого фронта нет, его сознательно размывают соратники провокаторы, создают траблы то там, то здесь. Вижу, как двоих наших активистов с окровавленными головами товарищи тащат в центр, где их встречают две девчушки, достающие аптечки и обрабатывающие раны. Вот это умницы! Я бы сам не подумал позаботиться об этом! Вижу, что повсюду образовались анклав бездельничающих молодых обывателей-тусовщиков, теперь жмущихся друг к другу из-за хаоса вокруг них, создаваемого соратниками и беснующимися мусорами. Но многие взоры обращены на трибуну.

Я вижу, что в микрофон никто уже не говорит, и подхожу к нему. Я не готовился ничего говорить, и это, наверное, к лучшему.

– Приветствую вас, Русские люди! Мы все пришли сюда по одному поводу – это день защитника Отечества. Кто такой, этот защитник Отечества? Это что, профессия такая? Нет, это не профессия. Это долг! Так почему же одни выполняют этот долг – защищать Отечество, а другие – нет, они только ходят раз в год на митинг, как будто в этом защита и заключается?

В толпе поднялся гул. Кто-то заорал: «Слава Победе!» Менты остановились и смотрят.

– Ну что ж, если это так, тогда окажите активную поддержку активным защитникам Отечества, ведь сегодня именно этот день!

Толпа заорала. Наверняка, почти все оружие – это соратники. Но эффект был мощный!

– Итак, кто такой защитник Отечества? А я вам скажу: это обычный Русский человек, который добивается того, чтобы его Отечество, все его соотечественники, все Русские люди, не подвергались каким-либо вражеским нападениям. Защищать – это долг. И только тогда, когда все осознают этот долг и необходимость его исполнения, только тогда возможно добиться по настоящему счастливой и свободной жизни! Только защитив себя!

Толпа заорала, вдалеке подъехали ещё два автобуса с омоном, два бритых парня отобрали у журналиста камеру, и вполне вероятно, что передавали всё происходящее в прямой эфир. Надеюсь, они делают это толково и никого особо не засветят. Но я продолжаю:

– Так почему же мы не живём по настоящему счастливо и свободно? Почему терпим нужду и криминальный произвол? И я вам отвечаю: потому что мы не защищаем себя! Мы допускаем к источникам благ тех, кто распоряжается ими исключительно для увеличения своего благосостояния, а не народного! И они зачастую используют всю свою силу против нас же! Вот кто наши первые враги – это наше правительство!

В толпе заорали «Смерть!» и уже начались вновь стычки с мусорами.

– Да и с чего бы этому правительству, купившему свою власть на украденные у Русского народа деньги, не быть нашими врагами? Ведь они знают, что если чуть-чуть ослабят давление, Русский народ их тут же сомнёт! Ведь у всех у них по два, по три гражданства! Сколько среди них евреев, кавказцев и лиц других национальностей! Конечно, мы им нужны только для того, чтобы нас грабить! Точно так же, как нас грабят их грязные соотечественники, угрюмо снующие по рынкам и синагогам, только под прикрытием закона! Вот где наши враги!

Толпа опять орёт, но внимание частично обращено и в другую сторону, где соратники, не выдержав прессинга омона, начали кидать бутылки с зажигательной смесью. Повсюду дым и сырой запах гари. Небо совсем тёмное, всё вокруг серое, и лишь Правые знамёна ярко выделяются над толпой.

– Так почему вы терпите действия врагов, Русские люди?! Почему не защищаете Отечество? Ведь ваша судьба, вся судьба ваших родителей и детей только в нём! Наше Отечество – это и есть мы, Русский народ!

Все орут: «Слава Руси!» и в то же время почти все находятся в беспокойном движении. Что творится с одного края – вообще не видно из-за чёрного дыма, но шум там стоит сильный. В клубы дыма постоянно забегают соратники, размахивая какими-нибудь аргументами, оттуда же выбегают другие, чтобы прокашляться.

– Итак, Русские люди, я призываю вас потребовать себе лучшей жизни, и отобрать то,

что по праву принадлежит вам, у врагов! Вы должны прекрасно понимать, что враги прикрываются демократией или коммунизмом, это и есть их изобретения! Но у нас есть третий путь! Это национальный социализм, и мы, национал-социалисты, призываем вас вместе с нами вступить в беспощадную борьбу с врагами и вернуть всё то, что принадлежит нам! Россия для Русских! – вот наш девиз! Поддержав национал-социалистов, ты защищаешь себя и свою семью! Слава Руси!

Крик «Слава!» смешался с грохотом взрыва гранаты. Видимо её бросил кто-то из наших после того, как менты применили оружие: я видел, как тащили молодого скинхэда с огнестрельным ранением живота, и две девчухи с медикаментами растерянно и испуганно пытались что-то сделать. После взрыва гранаты стало понятно, что пора сваливать. Это поняли все. Фанаты закидали всё дымовыми шашками, и толпа ринулась в одну из сторон, по большой улице. Спрыгнув с трибуны, я стал свидетелем замечательной вещи: Вован и пара соратников, настроив свою радиостанцию на ментовскую частоту, отдали тем приказ освободить ту улицу, куда все понеслись. Судя по всему, менты сразу не поняли, что приказ ложный, и разбежались перед несущейся толпой. Мы побежали вместе со всеми. Среди бегущих были в основном наши соратники, но явно были и другие люди, попавшие под влияние толпы. Сзади, в дыму, оставались самые отчаянные, обеспечивая более-менее спокойный уход основной массе, сдерживая ментов. Были слышны выстрелы. Когда мы выбегали с площади, с неба посыпал сильный снег, своей белизной прорезая тьму сгустившегося на площади дыма.

Я бегу среди соратников, и меня постоянно кто-нибудь одобрительно похлопывает по плечу. Говорят, что хорошо сказал. Я думаю, что всё это очень странно, что я вообще что-то говорил с трибуны, я, мало чем отличающийся от любого другого скинхэда, а не какой-нибудь подготовившийся партийный деятель.

– Колян, здорово, что ты успел всё это сказать! Готовил речь-то? – спрашивает оказавшийся рядом Дмитрий, главный из местного отделения их партии.

– Нет, не готовил. Само как-то... Вы чего сегодня странные какие-то?

– Да так, свои проблемы...

Мне показалось сначала, что партийные что-то задумали, такие у них были задумчивые лица, но видимо нет, потому что когда начались волнения, они проявили себя одними из лучших. Ну, это как всегда. С лидером или без, в партии или индивидуально, главное, что сопротивление есть.

– А где Джинн?

– В первых рядах, с самыми штурмовиками! Дорогу прокладывает!

Толпа несётся по улице, нападая на попадающихся недочеловеков, круша витрины и забрасывая всем подряд ментов. Некоторые сворачивают на боковые улочки, но то, что толпа докатится через всю улицу до другой площади, – это не вызывает сомнения. Я перестал видеть знакомые лица, лишь мелькающие впереди и по бокам сырые от снега бомберы и люди характерного стиля одежды, показывали, что я в гуще событий. Вообще, тоже надо бы сворачивать, я же не собираюсь нестись вперёд при том, что никакой цели уже нет. Мы о себе уже заявили.

До меня доносится гулкий грохот мощнейшего взрыва. Рядом кто-то радостно кричит: «Синагогу взорвали!» Я начинаю смеяться.

Неожиданно движение останавливается, и я натываюсь на чью-то массивную спину. Оказалось, что передо мной теперь остались только самые brutальные штурмовые скинхэды, не один десяток раз испытывшие себя в бою. Остановились, чтобы отдышаться перед тем, как прыгнуть. Прыгнуть на отряд омона, вооружённого дубинками и щитами. Космонавты... Многие из наших соратников являются футбольными хулиганами, и именно они теперь собираются разнести на хуй этих долбанных космонавтов. Плечом к плечу, вгрызаясь в сырой асфальт тяжеленными ботинками, сжимая в стальных кулаках арматуру, топоры и кувалды, они несутся теперь на омовцев, с трудом сдерживающих страх, они взмывают вверх и опускаются ногами на головы и плечи оппонентов. Это как танк сминая пехоту.

Море крови и боли. И свободный проход к другой площади.

Марш Защитников Отечества по главной улице города. Я думаю, именно так скажут соратники из других городов. И конечно же, это будет им примером.

ЧАСТЬ III. ПЛАВИЛЬНЯ

*Загремели небесные струны,
Продолжаясь потоками ливня.
Неразбавленным басом Перуна
Отзывается Фюрера Имя.*

(А. Широпаев)

1. Герой

В то ясное мартовское утро Максим как всегда вышел на балкон, покурил, плюнул вниз с двенадцатого этажа и пошёл делать зарядку в коридоре. В одной комнате спит жена, в другой – двое малых детей. Максим старается делать всё тихо, чтобы никого не разбудить раньше времени. Разминка суставов, подтягивания на перекладине, качание пресса, отжимания от пола и приседания – вот стандартная программа поддержания себя в форме. Конечно, физические возможности Максима уже не те, что в двадцатилетнем возрасте, однако при том сидячем офисном образе жизни, который он вынужден вести, его результаты очень даже ничего. Через неделю Максиму исполнится тридцать три года. В этом возрасте многие уже отрастили пивное брюхо и не могут ни разу подтянуться на перекладине. Не мудрено, если десять лет сидеть за столом в офисе, в пивной и на кухне, и вставать на ноги только для того, чтобы перенести себя с одного места на другое. Максим понимал всё это, и многое другое, и с тем или иным успехом регулярно занимался спортом с одиннадцати лет. В начале стимулом было конечно вовсе не противодействие сидячему образу жизни, а нечто другое.

«Однажды бабушка попросила меня купить хлеба и дала деньги. Я пошёл в магазин, купил хлеб, осталась сдача. Уже там я заметил двух парней постарше, которые наблюдали за мной. Когда я вышел из магазина, они догнали меня и остановили.

– Э, парнишк, стой! Слышь, ты сам-то откуда?

– Да вот из того дома.

– А, местный... Слышь, у нас тут братишка с зоны тока што откинулся, ему деньгами помочь надо, в натуре. У ты есь скока бабок? Ты тока не пизди нам давай!

– Есть, но это не мои. Родители дали...

– Слышь, а чё те родители? Ну скажешь, что потерял.

– Нет. Ну мне идти надо.

– Э, ты куда пошёл! – они хватают меня. – Слышь, ты чё, отпускали что-ли, урод бля?!

– А чё меня, кто-то держит?

– Ну вот я тебя держу!

Я сбиваю его руку и стараюсь убежать, при этом посылая их на хуй. Один заламывает мне руку, другой бьёт по лицу.

– Это ты нас на хуй послал?! Это ты нас, бля, на хуй послал?!

Я плачу и кричу, мол не бейте, извините. Они бьют, забирают мои деньги и уходят.

– Ещё раз мы тебя увидим – прирежем! Ты понял?!

Именно в тот день я понял, зачем надо быть сильным. Тогда бы я их избил. Вскоре я впервые взял в руки гантели.

Те парни были из соседнего микрорайона. Через пять лет я добрался до них, и это было

очень жестоко...»

Затем Максим принимает душ и будит жену и детей. Жену он так и не смог приучить к спорту, поэтому она после сна только завтракает и сразу идёт на работу. Хорошо ещё, что она стройная от природы. После завтрака все выходят из дома. Жена на работу, сын Колька в школу, а Максим подвозит Ксюху до детского садика, перед тем, как поехать на работу. Он проводит её внутрь, смотрит на детей и улыбается. Максим вообще очень любит детей, и даже собирается уговорить таки жену родить ему третьего ребёнка, благо достаток сейчас позволяет им это. Он считает, что три ребёнка – это минимум, тем более, что в России сейчас демографический кризис. Пополнение за счёт иммиграции – это ему не нравится, как и то, что в классе, где учится его сын, половина учеников – кавказцы. Раньше такого не было. Максим даже отчасти радовался, когда слышал, что фашиствующие молодчики убили очередного чёрного, но в целом такие действия он не одобрял. Фашисты всё-таки нас уничтожить хотели, война... Лучше самим рожать больше детей. Он уговорит всё-таки жену!

Максим проходит в свой кабинет, начинается обычный рабочий день. Он – начальник планово-экономического отдела. Он стал им два года назад, когда проявил свои способности и целеустремлённость. Он постоянно обновляет свои знания и мотивирует себя сам. Он привык стремиться быть лучшим. Он привык добиваться своего.

Максим чувствует, что может выполнять работу финансового директора, но освобождения вакансии не предвидится еще, наверное, лет двадцать. Не убивать же финансового директора! Пожалуй, надо будет подыскать другую работу. Больше денег, лучшая жизнь для семьи, там глядишь жена и согласится на третьего...

В начале стимулом были конечно не деньги, а нечто другое.

«Когда я начал учиться в университете, я влюбился в девушку, которая училась в одной группе со мной. Я ухаживал за ней, ну там все дела, всё хорошо в общем было. То ли так надо было, то ли по моей глупости, но отношения прервались незадолго до начала первой сессии. Тогда я плакал впервые с тех пор, как стал считать себя не пацаном, а мужчиной. Тогда я просто хотел показать ей, что я лучший, и принялся за учёбу с небывалой решимостью. В школе я всегда получал четвёрки и тройки, а тут – первая сессия и все пятёрки! Потом я так и учился получая «отлично», больше уже по инерции, по привычке, из-за нежелания сдавать позиции, порой давя на преподавателей, или сбивая их с толка. Именно тогда я привык добиваться нужного и делать всё до конца. Эта привычка перешла и на работу. Что задумал – то и сделал. Главное – победить лень и постоянно самосовершенствоваться.»

Максим составляет отчёт о выполнении бюджета за месяц, это достаточно ответственное дело при разнообразии и объёмах хозяйственных операций фирмы. Параллельно с этим он постоянно отвечает на звонки сотрудников, подрядчиков, дебиторов, клиентов и финансового директора. Постоянное напряжение не даёт даже минуту подумать о чём-нибудь своём, поэтому когда наступает время обеда, он с чувством радости выходит на улицу. До ресторана идти пятнадцать минут, и он идёт пешком, несмотря на слякоть таящего снега, хотя другие сотрудники обычно доезжают туда на машинах. Между офисом и рестораном находится рынок – не самое приятное место. Работая рядом уже несколько лет, Максим ни разу не заходил туда он покупает всё в магазинах. Как-то на этом рынке был погром, и Максим даже видел на тротуаре лужу крови. А недавно была предотвращена попытка взрыва этого рынка. Максим и сам не любит чёрных, но он не понимает, откуда у молодёжи берётся столь сильное желание убивать инородцев. Пожалуй, их надо просто выселить. Тогда можно будет быть более спокойным за судьбу своих детей. А то ведь кто знает, чего ждать от этих мусульман?

В начале, правда, причиной нелюбви к чёрным было не это, а нечто другое.

«Когда мне было шестнадцать лет, я нарастил весьма неплохую для того возраста мускулатуру, и был не прочь порой поучаствовать в уличных драках. Некоторые сами были виноваты, на других наезжали мы. Нет, нам не нужны были ничьи деньги, мы и не трогали более слабых. Мы предпочитали биться примерно с равными, рассчитывая на преимущество своей агрессивности. Иногда приходилось и убежать. Это было как спорт, и ни к кому ненависти я не питал.

Однажды мы с Серёгой шли мимо магазина и увидели стоящих рядом пьяных кавказцев. Один из них всё время приставал к проходящим мимо девушкам, стараясь ушипнуть их. Это мне очень не понравилось. Я вдруг понял, что если бы это был Русский мужик, его бы давно утихомирили, а этого почему-то боятся.

– Понаехали тут всякие, – отчётливо сказал я и начал злобно смотреть на чёрного.

Он сразу поймал мой взгляд.

– Слюшай, те чо надо, а? Чо как смотришь?

– А чё ты к девушкам нашим пристаёшь?

– Те чо, не нравится?

– Да, не нравится.

– И чо, а?

– А то, что уёбывай ты в свои горы!

– Эй, пошли, отойдём, да!

Он взял меня за рукав, я тут же сбил его руку.

– Ну пошли.

Мы отошли за магазин, и он опять начал хватать меня за свитер и повторять: «Чо те нэ нравица!», дыша на меня перегаром. Я опять сбил его руки и дважды ударил в лицо. Иногда в драках хватало и этого, но этот черномазый был нехилой тушей, и он тут же ответил тем же. Мы сцепились, когда из-за угла вышли ещё два чёрных и удивлённый Серёга. Пока никто не разобрался, в чём дело, мы с Серёгой быстро свалили. Видимо пьяный кавказец сразу не смог объяснить соотечественникам, в чём дело, а они думали, что он как всегда «наехал на пацана». С тех пор я не люблю все эти южные национальности, их наглость и заносчивость. К тому же все знают, что они занимаются криминалом и наркотиками.

Ещё после этого я начал думать, как справляться с более сильным противником. Понял, что уличные драки не всегда подобны спорту, порой надо биться, чтобы защитить свою жизнь или свою честь. И это в дальнейшем не раз подтвердилось.

Сохраняя честь остаёшься верен своим идеалам. А я всегда стремился быть одним из лучших, и совесть не позволила бы мне терпеть унижения...»

После обеда Максим продолжает заниматься всё теми же делами. Иногда ему приходится задерживаться на работе допоздна, но сегодня ничего особенно срочного нет, и в шесть часов он спешит домой, к семье. По дороге Максим решил заехать в универмаг, купить кое-что из продуктов, и посмотреть отделочные материалы для дачи.

У универмага полно народу, все крайне обеспокоены, много милицейских машин и скорой помощи. Максим начал расспрашивать столпившихся и узнал, что четвёртый этаж универмага, тот, где находится развлекательный комплекс, захвачен террористами. Какие требования они выдвинули – ещё не известно, но в СМИ уже объявили, что действия радикальных исламистов являются ответной акцией на прошедший в феврале в центре города неонацистский погром, ещё более участвовавший нападения на мусульман неславянской внешности.

– Ну это ложь! – сказал стоящий рядом молодой парень, один из столпившихся. – Террористы всегда нападали на систему, а не на тех, кто бьёт их единоверцев. Какое дело боевикам до чурки с рынка? Это то же самое, как если бы российские войска стреляли бы из танка в пивную только за то, что там набили морду их соотечественнику, алкашу Васе Пупкину!

– Однако, молодой человек, – ответил Максим, – неонацисты слишком много уже всего

натворили, и не известно, кого они там убили.

– Ха, да хоть бы и самого главного боевика! Это не причина злобы на весь Русский народ, а ведь такая злоба у них и есть. Тут бритые вообще не причём, даже ещё не известно, говорили ли про них террористы. Ведь захватили-то в заложники простых обывателей! Наверняка всё подстроено спецслужбами.

Максим подумал, что парень наверное симпатизирует неонацистам, хотя одет вполне прилично. Не имея желаний спорить, Максим прошёл вперёд, прямо к кольцу оцепления, сам не зная зачем. Жестокость... Нет, этого не должно быть в человеческом обществе!

Неожиданно из дверей, окружённых спецназовцами в масках, выбежал сухощавый мужичок с усами. Он бегом преодолел те пятьдесят метров, что отдаляли его от линии ограждения, и криком сообщил народу:

– Террористы согласны обменять беременную женщину на любого добровольца! Кто желает избавить будущую мать от этого ужаса, прошу вас, подходите! Но помните, что может произойти всякое...

Последнюю фразу он сказал уже едва слышно. Максим оглянулся. Все потупили взоры, изображая крайнюю озабоченность. «Избавить будущую мать от этого ужаса...»

– Я пойду. – Максим вышел вперёд.

Мужичок увидел на лице Максима спокойствие и решимость, и подумал, что это наверное сотрудник спецслужб.

– Будьте добры, ваш паспорт. Да это так, формальность, на всякий случай.

Максим отдал паспорт и вошёл в здание. Везде были вооружённые спецназовцы в масках, вплоть до самого четвёртого этажа. Мимо провели побледневшую и трясущуюся беременную девушку. Максим улыбнулся ей. Всё будет хорошо.

Затем он зашёл на четвёртый этаж. Столы, стулья и игровые автоматы были свалены в кучу в качестве баррикады. Тыкая Максима стволом автомата, террорист в маске провёл его туда, где были собраны все заложники. Около пятидесяти человек из посетителей и персонала стояли у стенки толпой, под направленными на них автоматами. Многие плакали, молились, пытались сказать что-то террористам. Тех было человек десять, из них трое были прикованы вниманием к лестнице, чтобы не допустить неожиданного появления спецназа, другие были готовы в любую секунду стрелять в заложников.

Перед Максимом встал какой-то чеченец с коричневыми зубами и ухмыльнулся.

– Чё, герой, да?

Максим ничего не ответил и не показал никаких эмоций. Он старался смотреть в большое окно, размером во всю стену, что было справа. Внизу было видно толпу. Вот ведь дураки, о том, что чеченцы могли отсюда в них из снайперской винтовки стрелять, никто и не подумал. Вверху – синее небо с тучными облаками. Давно не было такого неба.

«Когда я был маленький, я играл с мальчишками в войнушку. Обычно одна сторона защищала какое-нибудь укрепление, будь то хоть снежная крепость, а другая атаковала. Мне всегда не нравилось, когда все слишком долго находились на расстоянии и кричали «туф-туф-туф, я тебя убил!» Это было как-то не интересно. Я всегда бежал на крепость, как герои войны из детских книжек. Бежал...»

Один из чеченцев схватил девочку лет тринадцати и потащил куда-то, несмотря на её сопротивление и рыдания матери. Максим сделал шаг вперёд, но в его грудь уткнулось дуло автомата. Максим посмотрел на чеченца, и вдруг понял, что тот ничуть не опасней любой той мрази, которую он бил в пивных и во дворах во времена своей буйной молодости. Максим всегда стремился быть лучшим...

Он отвёл одной рукой ствол от своего живота, другой в то же время доставая массивный нож, висящий на поясе у чеченца. Он сразу воткнул нож тому в солнечное сплетение и дёрнул вниз. Внутренности вывалились. Тут же Максим кинул нож в спину того чеченца, что тащил девочку. Хороший боевой нож глубоко вошёл между рёбер. Хорошо, что

Максим в юности учился метать ножи. Но в Максима уже стреляют из автоматов два террориста, стоящие у окна. Он бросился на них...

«Однажды я понял, что всё надо делать до конца. ДО КОНЦА...»

Сейчас он бежит, несмотря на несколько пуль в его теле, хватая сильными руками двоих врагов, они разбивают своими телами стекло и падают вниз...

Из-за стрельбы сразу начался штурм. Спецназовцы подумали, что террористы начали убивать заложников, и ринулись в бой.

Позже по телевизору сказали, что «всё обошлось бы гораздо меньшими жертвами, если бы действия одного мужчины, впавшего в панику, не привели к срыву плана, разработанного спецслужбами».

В народе говорили другое.

На могиле Максима появился венок с надписью: «Слава Герою!»

Все бы были такими...

2. Зондеркоммандо

(от лица Дмитрия)

Четыре дня на ногах. Стаптывать ботинки о мокрый асфальт, всматриваться в людей, координировать передвижения двадцати человек, да ещё при этом делать вид, что просто прогуливаешься – это очень выматывающее занятие. Солнце уже пригревает, и после столь долгой зимы хочется действительно просто погулять, подышать свежим мартовским воздухом, вместо этого мы ходим в напряжении по загазованным московским улицам. Парни готовы сорваться в любой момент, я уже вчера дал Антону под дых за то, что он по какому-то поводу начал пинать рэпера. Я ж, бля, всем говорил – все должны быть максимально незаметными! Мы же в чужом городе, да ещё и при стволах! Все в общем-то хорошо контролируют себя, но перед сном непременно напиваются. Некоторым такая жизнь нравится, другие изнывают от безделья.

Мы ходим по улицам центра города, так как по моим соображениям антифа не захотят довольствоваться окраинами, а вероятно, мечтают заявить, что центр принадлежит им. Мы разбиваемся на небольшие группы по два-три человека, и идём как бы независимо ни от кого по разным сторонам улицы. А сейчас и более того – семь наших парней идут по параллельной улице, готовые согласовать свои действия с нашими по телефону. Сразу две улицы – это значительно облегчает поиск.

Все одеты как стандартные обыватели, так что нас не замечают. Зато мы сразу отмечаем каждого скинхэда, каждого фаната, неформала или наркомана. Вчерашней ночью навстречу нам неожиданно вышел моб Red Blue Warriors человек из тридцати. Впереди их важно шествовали три опасных типа с громадными пивными животами и не желали никому уступать дорогу. К счастью они не поняли, что мы тоже моб, а то неизвестно, что бы им взбрело в головы. Да, они тоже Правые, но иной раз это не имеет значения... А я просто не хотел засвечивать пистолет раньше времени, так как одними кулаками мы бы с ними не справились.

Вскоре после фанатов наткнулись на какой-то антифашистский сброд, наполовину состоящий из хачиков. Всего человек пятьдесят оборванцев, которые крайне агрессивно рассматривали нас, но тоже не поняли, что мы из себя представляем. Просто молодёжь ночью гуляет, несколько небольших компаний... Мы хоть и сразу поняли, что это не те, кого мы желаем найти, но я думаю, каждый из нас начал ощупывать пистолет. Я лично сразу нагрелся как кипятильник.

А сейчас вот идём по двум параллельным улицам. Вечереет. Солнце уже лежит на верхушках домов, а мы обдумываем каждого попадающегося странного человека, не является ли он зомби-антифашистом. Сколько в Москве всяких дегенератов, столько я ещё раньше не видел нигде. Особенно раздражают дрэдастые растаманы с бубнами, вечно накуренные, с красными глазами и нетвёрдой походкой. Вообще нариков здесь полно, просто мода какая-то. Вон тоже два лоха впереди идут и сиплыми голосами изредка выдают короткие примитивные фразы. Грёбанные недочеловеки!

Москва – словно плавильный котёл, куда сбрасывают всё подряд, где хорошее смешивают с плохим, священное смешивают с дерьмом, белое с чёрным, яркое с тусклым. И кто-то старается, чтобы консистенция тяготела к преобладанию дегенеративного и недочеловеческого. Здесь кто-нибудь знает, что такое ПРАВЬ? Почти никто, потому что она кинута в адову плавильню, созданную жидами. Правь – это Дух, это Воля, это Национал-Социализм. Это мы.

Рядом со мной идёт Джинн. Мы двое идём впереди, остальные растянулись дальше. Здесь многолюдно, поэтому я всех своих даже не вижу. Но все готовы собраться в любой момент. У Джинна звонит телефон. Он слушает и затем говорит мне:

– Вольф говорит, что видит кого-то подозрительного.

Вольф идёт впереди тех, кто на параллельной улице. У него всегда было отличное чутьё на такие темы, поэтому я беру у Джинна телефон.

– Кого ты там видишь? – спрашиваю я.

– Два странных типа слева и три справа. Впереди похоже, что ещё. Они нарики какие-то что ли.

Я слышу, на заднем плане громко ругается Антон, идущий рядом с Вольфом.

– Вольф, скажи этому придурку, чтобы заткнул свою ёбаную пасть! И наблюдайте за этими. Будьте предельно осторожны. Всё, приём окончен.

Такие тревоги уже были, но оказывались ложными. Парни норовят в каждом странном человеке увидеть врага.

– Диман, вон закусовая, может зайдём? – говорит Джинн.

– Не время ещё...

– Да пить охота! Может по пивку, а?

– Вечером выпьешь, друг! Вдруг вот едва мы пиво возьмём, а наши парни на соседней улице с антифозами сцепятся?

– Да не они это, мне кажется. Вон тут тоже идут.

– Постой...

Мороз вдруг пробежал по моей коже.

– Двоих мы недавно обогнали, да вон они идут, а вон ещё двое! И идут параллельно тем и... параллельно нам! Блядь, да они такую же тактику, как и мы выбрали!

Джинн разинул рот только на секунду. Но в эту секунду произошло так много всего! В эту секунду я окинул взглядом всю улицу, насколько мог, и непостижимым образом увидел человек двадцать рассредоточенных по ней отморожков. В эту секунду я схватил Джинна за рукав и выпучив глаза сказал: «Звони Вольфу!» В эту секунду я повернул голову и увидел стоящий на перекрёстке отряд ментов. В эту секунду один из ментовских офицеров повторил все мои движения взглядом своими глазами, и в итоге упёрся взглядом прямо в меня. В эту секунду он понял всё так же, как и я, и то, что я тоже понял это. В эту секунду я снял с предохранителя пистолет, лежащий в кармане.

Мусор уверенно зашагал прямо ко мне. За его спиной стоят автоматчики. Я ускорил шаг, увлекая с собой и Джинна.

– Эй, стой! – это кричит мусор. – Слышишь, ты, стой, я сказал!

Я вижу, что он расстёгивает кобуру. Я вспоминаю, что оружие не должно попасть к мусорам. Ну что ж...

Первую пулю загоняю в мусора, бегу к проулку, одновременно стреляя в сторону антифа. Ору: «Огонь!» Антифа достают стволы и стреляют. Мусора поднимают дула

калашей и стреляют. Люди кричат, бегут, падают, ложатся на асфальт. Лужи окрашиваются в красное. Я выбегаю с улицы в проулок и несусь в сторону параллельной улицы. Подальше от ада...

За мной бегут двое. Очень быстро. Безумные глаза. Пистолеты в руках.

– Перун!!! – ору я и стреляю.

Голова первого раскалывается, разлетаясь кровавым месивом мозгов и костей. Второму я попадаю в грудь, он падает на колени, выронив пистолет, и смотрит прямо на меня.

– Не стреляй, – хрипит он, – не стреляй...

Это здоровый парень славянской внешности. Под ногами у него расплзается кровавое пятно.

– Не стреляй...

Я думаю про павших соратников. Про приказ вождя. Стреляю...

В этот момент из соседнего закоулка выбегает Джинн с испуганным лицом, размахивая пистолетом и матерясь.

– Туда! – говорю я, и мы бежим дальше.

Из тёмного проулка выбегаем на освещённую заходящим солнцем улицу и сразу видим наших парней, находящихся в большом напряжении, судя по их лицам. Это те семеро. Их взгляды устремлены на десятерых отморожков, только что собравшихся вместе и напряжённо обсуждающих что-то. Стрельба с той улицы слышна и здесь.

– Ебашь!!! – ору я и стреляю первым. Все сразу выхватывают пистолеты, и в несколько секунд мы валим всех оппонентов, не успевших даже понять, в чём дело...

Потом в новостях сказали, что произошло вооружённое столкновение леворадикальной молодёжи с милицией. Много убитых и раненых. Другие задержаны. Про нас ни слова. Мы все удачно покинули место происшествия и вернулись в свой город. Миссия выполнена!

3. Фашистская весна

Только что была чёрная зима: двери заперты, окна закрыты, стёкла незрячие от измороси, все крыши оторочены сосульками, люди ходят съёжившись сквозь пургу своего скованного тьмой сознания, нелюди гордо ходят по улицам в дорогих мехах.

И вдруг могучая волна света и тепла прокатилась по стране, вал горячего воздуха захлестнул её, словно взрывной волной. Свет освещал города и селения, удивлённые лица людей. Сосульки срывались с крыш, разбивались и таяли. Двери распахнулись. Окна раскрылись. Люди стали видеть лучше. Нелюди тихо ходили по тёмным переулкам. Снег испарился, и люди стали убирать с улиц грязь.

ФАШИСТСКАЯ ВЕСНА. Из уст в уста с ветром из дома в открытый дом – два слова: ФАШИСТСКАЯ ВЕСНА. Жаркий солнечный воздух переиначивал морозные узоры на окнах, слизывал ненужные знаки. Чёрного и жёлтого вдруг стало меньше. Снег, падавший на Русь с тёмного неба, превращался в горячий дождь, не долетев до земли.

ФАШИСТСКАЯ ВЕСНА. Высунувшись из окон под дробную капель, люди смотрели вниз на многотысячный митинг под свастичными знаменами.

Национал-социалисты стояли на главной площади вместе со своими Родными Богами, указуя правой ладонью на Свет. В стуже зимнего утра они творили весну каждым своим героическим действием. Теперь именно они делают погоду.

4. 20 апреля

(от лица Михаила)

Представляете, парни, я теперь работаю барменом в моей любимой пивной! Совмещаю

это дело с учёбой, причём отчасти в ущерб последнему, но это же всё фигня. Вот работать в пивной, где собираются почти только национал-социалисты – это очень круто! Здесь и раньше работали симпатизирующие нам люди, ну а теперь – я! Ну вы же меня знаете...

После нескольких акций, особенно той, что была в День защитника Отечества, включая и взрыв синагоги (врубаетесь, кто это сделал?), всё стало очень жёстко. Я каждую секунду готов к тому, что в нашу пивную, несмотря на всё наше шифрование, вломится омон и всех нас повяжет. Мы, конечно, приняли меры предосторожности: установили скрытую камеру над дверью, и теперь я постоянно смотрю на экран, расположенный под барной стойкой, и если появится кто-то подозрительный, я готов нажать на кнопку, и дверь заблокируется. На всю эту хрень нам пришлось скинуться, и немало.

К нам иногда заходят посторонние посетители, но в основном все наши. Сегодня ожидается более ста человек на вечеринку по поводу Дня Рождения Адольфа Гитлера. Но это вечером. Сейчас же здесь сидят человек пятнадцать бритых бездельников, пьют пиво и пиздят. Я ожидаю завоза новой партии продуктов и бухла, стою за стойкой и периодически наливаю кому-нибудь пива. В общем-то обычный день, если бы не ощущение праздника и грядущего через несколько часов массивного угара.

Я тупо втыкаю в экран на проходящих мимо обывателей и вдруг вижу что-то необычное. Мимо бежит девушка, смотрит на нашу дверь и секунду колеблясь забегает к нам. Вслед за ней заходят два мужика. Ба, да это ж хачики! А девушка Русская, очень даже приятная. Врубитесь, кстати, что всё это время я держал палец на кнопке, но почему-то не нажал.

Сразу видно, что девушка в панике. Растерянно оглядываясь, она садится за столик, недалеко от бухающей компании бритых парней, которые могут вполне сойти и за гопников. Она смотрит на меня, и в её взгляде я вижу просьбу помощи. Два хачика нагло заходят в пивную, не смотря ни на кого проходят к тому же столику, садятся рядом с девушкой и ухмыляются. Я подхожу.

– Что будете заказывать? – спрашиваю.

– Пока ничего, – отмахивается один из хачиков.

– Смотрите-ка, чурка даже не хочет выпить перед смертью! – громко объявляю я на всю пивную.

И тут они ощутили на себе множество суровых взглядов. Растерянно озираясь, они медленно встают и направляются к выходу. Парни так же медленно окружают их. Минута молчания. Прямо перед хачиком стоит Фриц, сжигая его гневным взглядом. Квадратная бритая голова Фрица и выражение его лица объясняют всё. Я знаю, какую фразу он скажет.

– Ну, как дела? – говорит Фриц.

Хачик дёргается, и Фриц тут же валит его ударом основания ладони снизу по подбородку. Возможно хачик в результате этого откусил кончик своего языка, а может и нет. Мы этого уже не поймём, так как обоих хачиков уже дико месят в мясо гриндерами посреди пивной. Брызги крови летят во все стороны, рык и вой, я только и могу, что нажать на кнопку закрывания двери.

Результат: два трупы в луже крови и совершенно охуевшая девушка за столиком. И это, блядь, в такой день! Я в ахуе!

Все смотрят на меня и понимают всё.

– Бля, пиздец, ну это ладно, уберём как-нибудь, – указываю на трупы, – но с ней-то что делать?

Девушка сидит ни жива, ни мертва. Я подхожу.

– Ну, а что это за чурки были? Что они от тебя хотели? – спрашиваю.

– Они... они гнались за мной... приставали...

– Ну вот видишь, мы ж тебе жизнь спасли! Врубаетесь? Они бы тебя изнасиловали и убили! Да это стопудово! Обычное для них дело!

Она тарашит на меня глаза. Эх, жаль, Джинна нет, он лучше всех с девушками общается! Всяко втолковал бы ей что-нибудь нужное, чтобы она не только не настучала на

нас, но и поддержала бы наши действия. Он это умеет...

Я бегу к стойке и наливаю коньяка.

– На вот, выпей. Да не бойся ты...

Стук в дверь. Все дико напрягаются и застывают на месте. Два трупа так быстро не спрячешь! И столько крови! Я бегу к экрану и... блядь, я просто смеюсь! На пороге стоят Джинн и Макс!

Когда они вошли, то челюсти у них отвисли от увиденного. Я быстро объясняю им всё, и Джинн оглаживая свою бородку, галантно улыбаясь, садится рядом с девушкой и начинает беседу. Не сомневаюсь, что он затащит её сегодня в постель. Ну я же его знаю!

Я тем временем руковожу выносом трупов в подсобное помещение и отмыванием пола от крови. Помогают все.

– Их надо расчленить и вынести по частям, – говорит Фриц.

– Да, бля, может ещё предложишь срезать с них куски мяса и смывать в унитазе? – говорю я.

– Ну а что ещё предложишь?

– Хуй его знает...

Едва успели прибраться, приехал грузовичок с продуктами. Теперь все разгружают ящики с едой, водкой и пивом, и несут в ту же комнату, где трупы. Водитель – Паша, тоже наш человек.

– Паш, у тебя есть большие чёрные пакеты? – спрашиваю я.

– Нет.

– Ну тогда едь в магазин и купи их. Трупы вывозить будем. Нет, это не шутка. Фриц тебе поможет...

Он купил большие чёрные пакеты, тем временем самые от замороженные парни расчленили тела. Их погрузили в машину, и Паша с Фрицем поехали отвезти их куда-нибудь подальше. Фриц предложил попробовать сдать мясо на рынок, но мы решили, что на хуй. В это же время Джинн с девушкой ушли, а я руководил перестановкой столов, необходимой для предстоящего празднования. Пиздец, ну и денёк!...

Потом всё прошло спокойно, и в шесть вечера начали появляться первые гости. Впускали буквально по одному, чтобы не прошёл кто-нибудь левый. Олег уже настраивает аппаратуру. Программа такая, что после непродолжительного возлияния и тостов, Олег выступит со своей электронной программой, затем будет выступать местная Oi! группа «Штурмовик». Ну и потом все делают, кто что хочет: пьют до утра, идут громить и убивать, или идут домой спать.

К семи собрались все. Более сотни проверенных соратников пришли, чтобы поздравить последнего Бога, воплотившегося в человеческом теле. И ещё несколько сотен поздравляют Его в других местах по всему городу. Слово взял Николай.

– Соратники, вряд ли найдётся ещё один день в году, сравнимый по значимости с сегодняшним! Именно в этот день родился Адольф Гитлер, человек, который, прежде всего, выиграл войну внутри себя, став идеалом Белого человека, воплощением Воли, Света, Чести и Верности. Именно эта Воля подняла тогда Немецкий народ, именно этот Свет проникает сквозь годы, указывая нам, за что следует бороться. Именно эти Честь и Верность являются примером для каждого Белого человека, не дают ему умереть. Фюрер жив, он – Солнечный Человек! Он – флаг нашей борьбы, олицетворение национал-социализма! Он в сердце каждого из нас! Он – это наша Победа! Neil Hitler!

– Neil Hitler! – заорали все, вскинув вверх правые руки.

Все пьют и едят. Всё просто отлично. Другие соратники тоже поднимают тосты. Я вижу партийных и подхожу.

– Джинн, ну как там с девушкой?

– Бритвой по горлу и в колодец... Ха-ха-ха, шучу, шучу. Ты что уж думал, я маньяк что ли?

– Ну и шуточки...

– Да он ведь может, – говорит стоящий рядом Диман, – это выглядит он как английский джентльмен, отрастил бородку, а сам тот ещё псих!

– Да иди ты, – говорит Джинн, – уж кто действительно псих, так это ты! Не, Михан, нормально всё с ней, стучать не будет. Она даже симпатизирует наци. А в эту пивную случайно, кстати, зашла. Хорошая девушка...

Тут в звуковое пространство врезается голос самого Адольфа Гитлера. Он постепенно смешивается с жёстким электронным ритмом, и на стене мы видим проецируемое изображение Фюрера и марширующих солдат Вермахта. Олег стоит за пультом, создавая агрессивный электронный саунд, параллельно идёт видеоряд. Это какая-то очень необычная электроника, волнующая, пафосная и героическая, призывающая маршировать, рваться в бой, бросаться на врага. Многие парни явно не врубаются в этот стиль, но видно, что всем интересно. Мне и самому нравится, хоть я и слышу такое впервые. Все стоят и смотрят. Движение будет потом. Около часа жёсткой фашистской электронщины, видеоряд переходит от хроник Рейха к сценам активных действий скинхэдов, затем, при более спокойной музыке, к родным пейзажам с восходящим солнцем, затем Адольф Гитлер и ряды SS, затем горы трупов жидов и что-то ещё. Олег конечно молодец!

После этого настраивается «Штурмовик». Фриц рассказывает мне, как пакеты с частями чёрных тел сбрасывались в реку. Он говорит это так спокойно, как будто речь идёт о выбрасывании обыкновенного мусора. Впрочем, мне тоже похуй.

Вокалист «Штурмовика» скандирует лозунг «Восемьдесят Восемь!», все подхватывают. В это всё вплетается бас-гитара, затем барабаны, и группа начинает исполнение первой песни, которая называется очень просто: «Адольф Гитлер». Парни слэмят прямо перед сценой и чуть не опрокинули колонки. Потом все додумались отойти чуть подальше. Так как помещение очень небольшое, то получается, что в центре человек пятьдесят адово слэмят, а ещё пятьдесят, тех, что поспокойней и посерьёзней, стоят вдоль стен или у сдвинутых сзади столов. Они же постоянно отталкивают от себя налетающих на них слэмщиков, а те пытаются затащить их в слэм. Группа исполняет как свои песни, так и каверы Коловрата, Вандала и T.N.F. Через полчаса многие уже поливают свои разгорячённые тела минералкой, температура в пивной поднимается до уровня духовки. Я сам немного послэмил, всё-таки трудно устоять на месте при такой заводной музыке, но получив в нос чьим-то локтем и высморкавшись кровью, я решил постоять в стороне, попить пивка. Иной раз слэм бывает не менее жесток, чем уличная драка, разве что увечья наносятся неумышленно. Вон ещё один парень ощупывает свою челюсть, а другой сжимает выбитые пальцы. Но никто не расстраивается. Всё просто превосходно!

Концерт длится примерно час, потом ещё пара песен на бис. Затем некоторые начинают расходиться, хотя большинство всё-таки задерживается до полуночи, вплоть до самого закрытия. Что радует, сильно нажравшихся нету. Это всё-таки не панки и не металоиды.

В полночь я оглядываю пустое помещение пивной и ужасаюсь от того, сколько работы придётся на завтрашнее утро. Мыть, убирать... Но работа есть работа.

Выхожу в прохладную темноту ночи, смотрю на звёзды, слышу где-то вдалеке скандирование националистических лозунгов, и иду домой. Всё-таки хорошо отметили!

5. Скоростное шоссе 88

(от лица Дмитрия)

– Диман, патроны кончились! – орёт Джинн.

– Возьми мой ствол!

Он берёт мой пистолет и высунувшись в окно опять стреляет. Я даже не успеваю посмотреть, что там сзади, заметил лишь несколько мусорских тачек. Когда скорость почти двести, только и остаётся слиться с машиной в единое целое и всё внимание направлять на

дорогу. На такой скорости малейшее движение руля может вынести машину на другой край дороги, а то и вообще за её пределы. Я еду в основном по встречке. В очередной раз резко даю по тормозам, чтобы не вписаться в идущую навстречу легковушку, и Джинн ударяется затылком о стекло.

– В рот ебать, ты предупреждай! – орёт он.

– Всё равно мы умрём, Джинн!

– Иди на хуй!

Я опять втапливаю педаль газа, и машина мощно рвётся вперёд. Это угнанная нами Ауди какой-то из последних моделей. Я всегда мечтал прокатиться на такой!

– Джинн, я всегда мечтал... – начал было я, но тут заднее стекло нашей машины разлетелось вдребезги от попадания ментовской пули.

– Вот суки! – орёт Джинн.

Он стреляет ещё и вдруг орёт:

– Я убил его, Диман, я попал!!!

– Бля, убери ствол от моего лица!!!

– Я попал в водилу!!!

– Убери на хуй ствол!!!

– Диман, они разбились, а-ха-ха!!!

Он ржёт, вытаращив на меня глаза. Ну и псих!

– Ещё три тачки! – говорит Джинн.

Я вижу знак ограничения скорости «60» и резкий поворот за ним.

– Держись! – ору я, и мы проходим поворот буквально на тормозном пути.

– Мы нормально от них оторвались! – говорит Джинн.

– Отличная тачка! – говорю я.

– Да и ты отличный водитель, Диман! Я просто хуюю!

Увидев, что трасса совсем без машин, я вжал на максимум. На счётчике двести двадцать. Страшно. Джинн даже пристегнулся ремнём безопасности. Вокруг мелькают деревья, одевшиеся в нежную зелень, светлые поля, солнце светит впереди, отражаясь от мокрой дороги, так что я мало чего вижу.

– Джинн, я нихуя не вижу! Мы разобьёмся!

В глазах темнеет и мне кажется, что мы взлетаем.

– Диман, тормози!!! – орёт Джинн.

– Что за дерьмо?!

Тут я вижу, что дорога впереди заблокирована ментовскими тачками. Я снижаю скорость. Сто пятьдесят... Сто... Девяносто...

– Мудаки, обочину оставили! – радостно кричу я.

Обочина – сырая глина, и слететь в кювет – нехуй делать. Пространство – едва хватит для нашей машины. Один шанс из восьмидесяти восьми!

Автоматная очередь проходит по нашей машине, оставляя дырки. Я хочу обратиться к Богам, но в голову не приходит вообще ничего. Остаются метры...

Я резко поворачиваю руль вправо, и мы пролетаем мимо мусоров на скорости восьмидесяти восьми километров в час, чувствуя, как все четыре колеса уверенно бороздят жидкую глину, и нас совсем не заносит. И снова газ на максимум!

– Охуеннейшая тачка!

Теперь мы существенно оторвались от них.

– У следующего гаишного поста они опять дорогу перекроют, – говорит Джинн.

– Да, по-моему, надо съехать на боковую дорогу, пока нас не видят.

– И куда мы выедем?

– Хуй знает. А так куда мы выедем? В Казань что-ли? Всё равно возвращаться надо.

– Ну давай.

Я сворачиваю на боковую дорогу и еду теперь более медленно, километров сто двадцать в час. Джинн достаёт фляжку с коньяком и пьёт.

- Дай и мне.
- Ты ж за рулём!
- Ну и чё, меня что, гаишник что ли остановит?

Джинн, впрочем, просто шутит. Я выпиваю сразу треть фляжки и становится лучше. Гонять на таких скоростях, да ещё и под пулями – это немалый стресс.

Мы проезжаем мимо пары деревень, и дорога становится всё хуже. Приходится ехать всё медленнее. После одной деревни дорога и вовсе становится грунтовой, и мы едем, рискуя увязнуть в жиже. Вдруг машина дёргается и заглохает.

– Чё это? – спрашивает Джинн.

– Бензин кончился...

Мы выходим и проверяем, нет ли в багажнике канистры с бензином, но её нет. Единственная вещь, которую я беру оттуда – топор. Вдруг пригодится.

– Ну что, придётся теперь пешком.

Мы понимаем, что до ближайшей деревни километра два, и идём, увязая ботинками в грязи, так как ничего больше не остаётся делать. Это так медленно...

6. Апокалиптический апостол

Я говорю вам о грядущем Апокалипсисе. Ничто не остановит его и так должно быть.

Солнце освещает лица своих сынов, и они открывают свои Сердца. Немногие способны на это, но многие и не нужны.

Как Волк зажжёт Пламя, так оно и горит до сих пор. Грозовые разряды сотрясают Европу и будят спящих.

Страдающий начал вращать Колесо Екатерины, перемалывающее жидов, ибо обрёл разум через боль. Свирепые усилиют вращение, и Свастика поднимается вновь. Её увидит и слепой, но многие зрячие не приблизятся к ней и на шаг.

Когда воины начнут сжигать врагов, из других земель придёт множество других врагов, которые захватят всю Европу и убьют многих Белых. И даже среди врагов будут люди с белой кожей, но век их недолог. Лишь те Арийцы, кто сражался с самого начала, уйдут на Север и выживут, обыватели же растворятся в космической пустоте.

В Европе не останется ни одного Белого человека. Семиты будут управлять массами чёрных и жёлтых. Все былые достижения будут забыты.

Но выжившие Арийцы, которые боролись всегда, будут копить силы у Верхнего Полюса. Проиграв Малую войну, они выиграли Великую.

Когда они соберутся вновь на войну, из Нижнего Полюса выйдут другие Арийцы, хранящие заветы Белого Волка. И силы их неисчислимы.

Объединившись, Арийцы двух Полюсов уничтожат всех зверочеловеков до последнего. Затем они сместят Земную Ось, ознаменовав начало Нового Века.

Их потомки будут непостижимо другими.

И всё начнётся сначала...

7. Аллея

(от лица Кирилла)

Я только второй день на свободе. Полгода вели дело. Мне помогло лишь то, что борцы за Правое дело наняли мне хорошего адвоката. Разумеется, никто не в курсе, что я ещё и резал чёрных, а то бы тут никакой адвокат не помог. Разбирали всё тот случай в кафе, когда менты застрелили Санька. Я вчера ходил на его могилу, просил у него прощения, так как чувствую себя виноватым за произошедшее. Так оно и есть, хоть суд и признал меня невиновным после долгих колебаний. Всё-таки я никого там не убил. Но Санёк умер...

Я иду по тополиной аллее. Громадные деревья тёмными силуэтами закрывают часть тёмного неба, готового разразиться грозой. И тогда уже не спрячешься под их густой листвой. Майская гроза всегда освежает, но хотелось бы встретить её не здесь.

Я очень слаб. В следственном изоляторе меня неоднократно избивали, всё это время я питался совершенно ужасной пищей, прозябал и постоянно болел. Я чувствую, что ущерб здоровью нанесён немалый. Я иду и боюсь отрубиться прямо здесь, провалиться в темноту и потерять своё тело, упавшее на дорожке. Но дома сидеть я не могу...

За это время, пока я был под следствием, здесь многое изменилось. Национал-социалисты всерьёз заявили о себе. Николай уже ввёл меня в курс дела, и я без раздумий решил поддержать их в борьбе. Сначала мне посоветовали просто набраться сил.

На улицах идут постоянные стычки, перестрелки, порой доносится грохот взрыва. На стенах – плакаты со свастикой. На асфальте – кровь. И вряд ли хоть кто-нибудь контролирует происходящее.

Небо громыкает, и первые крупные капли обрушиваются на меня. Молния освещает тёмную аллею, и я вижу светлую девичью фигурку вдалеке. Сердце единым толчком разливает порцию горячей крови по груди. Она так похожа... Я всматриваюсь и иду быстрее.

Непроизвольно глаза сами поднимаются вверх, уловив какое-то движение в небе, и лишь через секунду я понимаю, что это. Масса воды обрушивается сверху, и я бегу под деревья. Пока под ними не льёт я бегу вперёд. Там должна быть беседка, я видел её раньше.

Когда я захожу в беседку, то вижу там девушку. Это та самая девушка, которую я видел издалека. Она смотрит на меня, а я на неё. У неё именно такие глаза...

– Не повезло нам с погодой, – говорит девушка и улыбается.

– Да, – говорю я. – Зато с беседкой повезло.

Теперь она смотрит на потоки дождя. Сказать ли что-нибудь? Нужно ли мне это?

– А мне нравится гроза, – говорю я, – она будит в нас сильные чувства. При спокойной погоде как-то скучно.

– Разве тебе не нравится тёплый солнечный день?

– Нравится, но всё равно не настолько. Гроза – это как война. Наверное, только мужчина может понять...

– Да уж, куда нам! – смеётся она, но вдруг сразу становится серьёзной. – Да что мужчина может понять? Что они поняли, те, кто убивают людей на улицах каждый день. Сейчас же просто страшно на улицу выйти!

– Тебе нечего бояться, ты же Русская. Разве что кавказцев...

– Ты фашист? – прямо спрашивает она.

– Ну, я бы сказал, национал-социалист.

– Понятно. Тоже из тех, кто не знает ничего кроме ненависти!

Она нахмурилась.

– Ведь эти парни из любви бьются! – говорю я. – Из любви к девушкам, таким же, как ты, из любви к Родине. Когда что-то мешает любви, тогда и появляется ненависть, вот мы и стремимся убрать эту преграду. Чтобы осталась только любовь!

– Преграду убрать... На несчастье других счастье не построишь!

– Послушай, а какое здесь несчастье других? Здесь все просто получают по заслугам. И пока не получили и сотой части того, что должно быть! Евреи пролезли в правительство и разворовывают то, что принадлежит нашему народу. Весь криминал от кавказцев. Они изнасиловали мою девушку и убили её! Неужели это нужно терпеть?! Это они пытаются построить своё счастье на нашем несчастье, а мы лишь бьёмся за справедливость! За то, чтобы была только любовь! Вот что мы знаем!

Она смутилась и смотрит на меня во все глаза.

– Ну я согласна, конечно, вот только хотелось бы, чтобы не было такой жестокости.

– Мне тоже этого хотелось бы. Но... Это же война!

– С тобой не поспоришь...

– И не надо. Эти темы понятны лишь мужчинам, причём, к сожалению, немногим.

Когда мы победим, и наступит тёплый солнечный день, командовать будешь ты, а пока – мы. – я плавно перевёл всё в шутку.

Она смеётся. А я уже понял, о чём надо говорить.

– И ещё, у всех этих, столь не любимых тобой фашистов есть честь, а у обывателей её нет. Обыватель – это чмо, извини за выражение, но это так, с ними же можно делать что угодно! А с фашистом нельзя – честь не позволит дать себя в обиду. Честь и верность... Это и есть настоящий мужчина! Общайся только с такими! Вот у тебя есть парень?

– Нет.

– Ну так выбирай из национал-социалистов! Ничего лучшего просто не бывает!

Она опять смеётся. Наверное поняла, к чему я клонил.

– Смотри, дождь почти кончился, – говорит она, надо идти.

– Ну пойдём. Ты где живёшь?

– Да вон там, недалеко. А ты?

– А я там, – указываю в противоположную сторону, – но я тебя провожу. А то ведь на улицах страшно...

– Давай, с таким парнем, как ты, я не буду ничего бояться.

– Кстати, меня Кирилл зовут.

– А меня Лена. Очень приятно!

Мы идём и болтаем на несерьёзные темы, я не хочу её больше грузить. Я довёл её прямо до подъезда.

– Ну что, пока? – говорит она.

– А, подожди! Мне было бы интересно с тобой ещё пообщаться. Скажи мне номер телефона, как будет время я позвоню, придумаем что-нибудь.

Она говорит, и я записываю.

– Ну пока!

– Пока!

Я иду по той же аллее обратно. Редкие капли всё ещё падают, возможно опять ливанёт, но я не обращаю на это внимания. Впервые за полгода у меня что-то похожее на хорошее настроение!

Я прохожу мимо беседки, пиная остатки прошлогодней листвы. Здесь никто не убирался... Ботинок ударяет во что-то, и из под листвы вылетает топор. Я смотрю на его лезвие, почему-то совсем не ржавое, и вдруг оно сверкает яркой вспышкой. Прямо передо мной бьёт молния, невероятный грохот выбивает душу из тела, и я проваливаюсь...

...На сколько хватает глаз, везде стоят огненные воины, освещая собой тьму вокруг. Сколько их – сказать невозможно. Викинги и древние Русичи, казаки и белые офицеры, солдаты в самой разной форме, а также простые парни с бритыми головами. Но это разнообразие не имеет значения. У них у всех ОДИНАКОВЫЕ ГЛАЗА! Словно состоящие из раскалённой лавы! Все смотрят вперёд, на пелену, отделяющую их от нашего мира. Все готовы к бою!

На меня никто не смотрит, и я иду между рядами. Я вижу, что некоторые воины сидят на огненных конях, а в передних рядах некоторые – на громадных огненных драконах. Здесь нет ни верха, ни низа, нет пространства и времени. Я могу моментально пройти мимо целых полков, увидеть целые армии. Но краёв всё равно не видно. Я вижу Адольфа Гитлера, восседающего впереди войска на громадном крылатом огненном драконе. Он держит в руке священное копьё, объединяющее всех, кто здесь, и тех, кто борется в проявленном мире.

Я ищу своё место, проношусь повсюду, но не вижу его. На встречу мне выходит огненный парень, и я узнаю его. Он и раньше был цвета огня... Он улыбается мне. Он указывает мне огненным перстом куда-то. Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть, и вижу... топор.

Я встаю с земли, осматриваю тёмную аллею, дождь уже опять разошёлся, и я весь мокрый. В глазах всё ещё играют огненные блики. Топор как будто сияет. Я беру его и иду дальше. Теперь я точно знаю одно: Победа уже наша!

СЛАВА ПОБЕДЕ!